

ВЛАДИМИР ВЕСЕННИЙ

АНАТОМИЯ СМЕРТИ

Владимир Весенний

Анатомия смерти

«Издательские решения»

Весенний В.

Анатомия смерти / В. Весенний — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968898-9

Зверское убийство бизнесмена и учёного Гомельского и его жены ставит в тупик: кто и зачем мог устроить такую расправу? За расследование берётся друг Гомельского, Максим Курбатов — бывший опер, а ныне частный детектив. Из зацепок — флешка, за которой начинается жестокая охота. Но то, что на ней, — лишь первый кусочек страшной мозаики, которую нужно сложить. Странные убийства, участие ФСБ, эксперименты над детьми, покушения и новые жертвы... Но назад дороги нет, а впереди пугающая неизвестность...

ISBN 978-5-44-968898-9

© Весенний В.
© Издательские решения

Анатомия смерти

Владимир Весенний

Корректор Ольга Рыбина

© Владимир Весенний, 2019

ISBN 978-5-4496-8898-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В двенадцать дня в пабе Lambic на улице Долгоруковской было немногочленно: бармен за стойкой в белой рубашке с коротким рукавом и в чёрной бабочке протирал фужеры белой салфеткой; за столиком у окна молодая женщина в сапогах с высокими голенищами и длинным, до колен, свитере грубой вязки почти шёпотом, но горячо что-то доказывала мужчине в костюмной паре с редкими кучерявыми волосёнками вокруг лысины на голове. Мужчина с иронией смотрел на неё и отпивал кофе из чашки. Его неспешные движения ещё сильнее распалили собеседницу, и она шептала громче и ожесточённое.

Максим Курбатов секунду наблюдал за парой. «В мире нет человека, довольного своей жизнью, – подумал он. – Постоянно кто-то или что-то доставляет хлопоты. Всем и всегда».

– Макс, я хочу, чтобы эта флешка осталась у тебя, – объявил ему Гомельский.

Курбатов перевёл взгляд на друга. Полчаса назад Максим развернул внедорожник на полпути за город и приехал в кафе, сбитый с толку взволнованным голосом и настойчивостью, с какой его старый приятель говорил в трубку телефона.

Они знали друг друга со школьной скамьи. Павел редко выплёскивал эмоции. Лишь однажды на памяти Максима он заметно нервничал, когда сообщил Курбатову, что сделал предложение женщине, но вместо ожидаемого «да» услышал неожиданное «я подумаю». Пока Вика, будущая жена Павла, «думала», Гомельский изводил себя и приятеля горькими сомнениями:

– Вдруг откажет?!

– Предложишь другой. В «девках» не останешься. Женщины любят таких, как ты, – богатых и успешных, – отвечал Курбатов.

– Она не знает, что я бизнесмен. Думает, я клерк из страховой компании.

– Тогда тебе следует срочно взлететь вверх по карьерной лестнице или предъявить ей более веский аргумент.

– Все аргументы давно предъявлены. И тот, что в брюках, – тоже...

– Ну тогда я не знаю, чего им ещё надо! – картинно развёл руками Курбатов.

Через неделю Павла осчастливили согласием...

– Причина? – вернулся к настоящему разговору Курбатов.

– Здесь кое-какая информация.

– Надеюсь, не секретные чертежи или номера счетов продажных врагов отечества?

– Мне не до шуток, Макс. Кто-то пытался взломать мой комп. Открыть сейф. Непостижимо как и кто.

Курбатов знал, что в огромной квартире Гомельского на Тверской установлены камеры наблюдения. Даже таракан не мог проползти по плинтусу незамеченным.

– Запись с камер стёрта. Кто-то проник в квартиру, возился с компьютером в моём кабинете, а запись стёрта.

– Сантехники, электрики, газовщики...

– Исключено. Никого не приглашали, никто не являлся по собственному почину: ни доктора, ни полицейские, ни инопланетяне с тарелками, ни черти с рогами. Никого!

– Домработница или няня?

– Проверяли. Чисто.

– Мистика какая-то.

Гомельский раздражённо мотнул головой и уставился в одну точку на столе, крутя чёрную флешку в руках. Пальцы его едва заметно дрожали. Курбатов с сожалением посмотрел на друга. За месяц тот сильно сдал. Из цветущего и уверенного в себе мужчины он превратился в сморщенного подозрительного субъекта с затравленным взглядом.

– В квартире происходит непонятное, – снова заговорил Гомельский, по-прежнему глядя в точку на столе. – Я подрядил своих ребят-программистов. Они проверили. Дистанционно никто в компьютер не ломился. Но кто-то сидел за моим столом.

Казалось, Гомельский хочет и не может решиться сказать о главном.

– Ты помнишь, как мы с Викой хотели ребёнка?! – решительно заговорил он. – Годы хождений по врачам. Клиники, лечение. Всё впустую. Потом усыновили Мишку. Славный мальчишка. Сколько радости, счастья он нам принёс! Жизнь обрела смысл. Вика души не чаёт в Мишке, не отпускает его от себя, пылинки сдувает... Но, видимо, правда, закон замещения материи существует: где-то прибывает, где-то убывает. Вот и у нас так. Появился сын, а в остальном всё пошло не так...

Курбатов подождал, пока приятель допьёт свой сок из бутылки с апельсином на этикетке.

– Кто-то пытается разрушить мою, нашу жизнь. Я чувствую постороннее присутствие. Так, будто за мной наблюдают. Звучит дико, но в квартире посторонний.

– Ты имеешь в виду – за квартирой следят, – поправил Курбатов.

– Нет, я сказал то, что сказал: в квартире посторонний.

Курбатов отстранённо посмотрел в сторону и вздохнул. Он не верил в мистику и с иронией относился к бредням о потусторонних силах.

– Я знаю твоё отношение к чертям и ведьмам на мётлах, – раздражённо проговорил Гомельский. – Я сам, как ты помнишь, материалист, но... – Павел запнулся и посмотрел на флешку так, будто за её пластиковым корпусом скрыт весь секрет мироздания. – Ты веришь в переселение душ? – неожиданно продолжил он. В его взгляде и голосе Курбатов уловил надрыв. Чутьё подсказывало ему, что сейчас не самое подходящее время для иронии. Он тщательно подбирал слова для ответа, чтобы не задеть или не обидеть, но Гомельский ответил за него: – Ты ни во что это не веришь! Я знаю. Поэтому возьми флешку и постарайся во всём разобраться. Сколько бы времени у тебя это ни заняло. Пока я жив, – Курбатов вскинул удивлённые глаза, но Павел нетерпеливым жестом потребовал не перебивать, – пока я жив, можешь во всём положиться на меня. Деньги, информация – всё, что потребуется...

– Ты меня нанимаешь на работу?!

– Именно. Ты лицензированный частный детектив. Бывший следователь прокуратуры. К тому же ты мой друг. Кому, как не тебе, раскручивать «непонятки».

– Мне нужна конкретика. Состав преступления. Факты, – ответил Курбатов.

– Вот поэтому я обратился к тебе, а не в органы. Им нужна конкретика и состав преступления. Нет состава – нет дела. Давай так, – секунду подумав, предложил Гомельский, – сегодня посмотришь флешку, а завтра подъезжай ко мне, но не в квартиру – в контору. Поделишься соображениями.

Курбатов взял флешку и с сомнением повертел в руках. Затем сунул во внутренний карман пиджака. Обижать друга отказом ему не хотелось, но тратить время на расследование

непонятно чего тоже не улыбалось. «Перетрудился», – подумал он о Павле, пожимая ему руку и улыбаясь на прощание.

Выходя из паба, Курбатов почувствовал на себе короткий скользкий взгляд человека с лысиной. Максим натянул пальто и задержался у зеркала, поправляя шерстяной шарф в серую клетку. Мужчина в отражении за его спиной принял ещё более вальяжную позу на стуле и сосредоточился на собеседнице.

Через полтора часа Максим Курбатов захлопнул дверь внедорожника под навесом, запер железные ворота на засов и поднялся по заснеженным ступенькам на крыльцо своего загородного дома. Снег под ногами хрустел, доски скрипели. С окраины деревни слышен был одинокий лай собаки. В звенящей тишине лай уносило далеко к кромке леса, куда медленно заползало зимнее солнце, расплывшееся в серой жиже облаков. Курбатов глубоко вдохнул морозный воздух.

Камин разгорелся. Берёзовые поленья постреливали бордовыми искрами. Пламя играло тенями на бревенчатых стенах комнаты. Курбатов вытянул ноги в толстых носках из собачьей шерсти ближе к огню и удобнее уселся в мягком кресле. Он с сожалением приподнял и опустил на пол опорожнённую бутылку и отпил из стакана глоток водки, разбавленной лимонным соком. Максим чувствовал, как погружается в приятную дремоту. Где-то на третьем плане в голове крутилось напоминание о недоделанных делах. «Всё позже», – решил он.

После развода с женой Курбатов часто приезжал в деревню. Возвращаясь сюда, он надеялся вернуть счастливые годы семейной жизни, но возвращалась лишь боль от разрушенного счастья и пустота впереди. В жизни жены появился другой. «Тебя никогда нет рядом. Ты сам по себе, – слышал он слова Марины. – Тебе незачем было жениться на мне. Ты женат на работе».

Его уход из прокуратуры ничего не изменил. Курбатов понял: женщинам не нужны герои, им нужны мужья. Рядом и навсегда.

Он увидел себя идущим по обжигающему песку. С каждым шагом идти становилось невыносимее. Ступни горели. Солнце беспощадно палило лицо и голову. Слева горел пальмовый лес. Между деревьями ползла раскалённая лава прямо в океан. Набегающие волны гулко накатывали на огненную массу и с шипением отступали, превращаясь в кипяток и пар. Воздух наполнился жаром и гарью. Птицы с отчаянным криком взмывали в небо, ржавое от накала. Вдоль прибрежной полосы, там, где заканчивается мокрый песок и начинается суша, прямо на него летел какаду, отчаянно махая зелёными крыльями. Из его широко раскрытого и кривого клюва вылетала композиция Deer Purple «Дым над водой». В момент, когда попугай со всего маху влетел в голову Курбатова, тот вскрикнул и проснулся. Он сидел в центре горячей комнаты. Она не просто горела – она пылала. Пламя пожирало занавески на окнах и книжные полки. Стёкла в рамках с фотографиями матери в летнем сарафане и отца в парусиновой шляпе покрылись мелкими трещинами. То же происходило с фотографиями детей. Сын обнимал младшую сестру. Оба смеялись. Фотографии сморщились и надулись пузырями. Со всех сторон к потолку ползли языки огня. Носки на пятках дымились. В кармане шаровар орал мобильный телефон вступительными аккордами «Дыма над водой». «Беги!» – услышал Курбатов голос Гомельского в трубке.

Входная дверь ударам ногой не поддавалась. «Кой чёрт, я её не закрывал изнутри», – пронеслось в голове. Едкий дым душил. «Достаточно трёх вдохов, и твои лёгкие обгорят», – вспомнил Курбатов слова знакомого пожарного и задержал дыхание. Выбивая уже тлеющим стулом пластиковое окно, Максим проклинал себя за то, что летом послушал соседа и вставил стеклопакеты вместо обычных рам. Прочный стеклопакет оказалось непросто выбить деревянным стулом.

Вывалившись на снег в носках и байковой рубашке навыпуск, Курбатов вскочил на ноги и побежал, но споткнулся о брошенную ещё осенью кадку с водой. Вода в кадке давно заледелена, сама кадка примёрзла к земле. Падая, Максим услышал, как что-то свистнуло над головой и стукнуло в бревно в стене дома. Он обернулся. В бревне зияла дыра с обвисшими по краям щепками. «Стреляли?! В меня стреляли!!!» Адреналин ударил в голову, вырубил логику и включил инстинкты. Шестое чувство не обмануло Курбатова. Позади него вспыхнул внедорожник. Барахтаясь в сугробе, Курбатов перевернулся на спину и поздравил себя с тем, что бежал прочь от машины, а не наоборот. Автомобиль вспыхнул как стог сена в поле, подожжённый одновременно с четырёх сторон. Огонь прожорливым драконом взметнулся к пластовой крыше навеса. Навес загорелся. На фоне чёрного неба пылающий автомобиль и свирепые рыжие языки из-под металлической крыши дома заволакивали и пугали. Стихия во всей своей неукротимости подавляла волю. Кто ты есть? Пыль...

Курбатову некогда было додумывать эту мысль. Он и так знал о жизни всё, что положено знать мужчине в неполные сорок лет. Знал радость побед и горечь потерь. А теперь ещё и то, что кто-то хочет его убить. Он всегда помнил, как непрочно связь человека с этим миром, но встречаться с праотцами до срока в мире ином не входило в его планы. Максим перевернулся на живот и на четвереньках полез по сугробу подальше от пожара. Неожиданно чья-то большая и тяжёлая рука крепко ухватила его предплечье. Курбатов попытался вырваться и встал на колени, чтобы дать отпор. Занёс кулак, чтобы врезать в выросший перед ним силуэт в косматой енотовой шапке.

– Это я, Константиныч! – узнал он голос соседа по дому, на фоне яркого пожарища лица его было не разобрать.

– Михал Михалыч?! Миша! – цепляясь за поясной ремень и свитер, заправленный в ватные штаны, встал на ноги Курбатов.

Он часто и тяжело дышал и только теперь обратил внимание на правую руку, в которой держал ключи от машины с брелоком сигнализации, ставшие бесполезными.

– Пожарных вызвал?! – спросил Михаил.

– А?! – Курбатов всё ещё находился в прострации и не совсем понимал, что с ним и где он находится.

– Пожарных, говорю, вызвал?! – рявкнул сосед. Он тряхнул за плечи Курбатова: – Очнись! Это я, Михаил.

Курбатов посмотрел в широкое лицо соседа с порванной ноздрей. Кусок носа Михаилу отхватил алабай, когда тот пьяным полез к собаке целоваться. Шапка напозла Михаилу на глаза. Он то и дело сдвигал её на затылок. Рваная ноздря и запах чеснока и водки, исходивший от Михаила, почему-то подействовали на Курбатова ободряюще. Он осмысленно взглянул на ключи в руке и бросил их в снег.

– Нет, не вызвал! На кой хрен они теперь нужны. Считай, всё сторело.

– Акт составят. Страховку получишь... Из-за чего полыхнуло?

– Похоже на то, что подожгли меня, Миша. Уж больно споро разгорелось. В одночасье. Да ещё вдогонку стреляли.

– Да ну?!

– Ну да.

Курбатов оглянулся. На дорогу из домов выходили люди. Виднелись их чёрные силуэты на фоне белого снега. Ближе к пожарищу никто не подходил. Жар от пламени чувствовался даже здесь, на расстоянии пятидесяти метров. Горящие брёвна трещали и протяжно стонали, выстреливая красными искрами. Дым подхватывал искры, и те кривыми зигзагами улетали в холодную бездну неба. Издалека, как паровозный гудок, доносилась пожарная сирена.

Курбатов чувствовал неудобство и не понимал, что это неудобство доставляют ему отсутствие обуви на ногах и пронизывающий холод, от которого не спасала рубашка, прожжённая

на левом боку до огромной дыры с обуглившимися краями. От ожога обернула майка под рубашкой. Снег свалился в ледяные катшки на носках.

– Говорил тебе, заведи собаку, – сказал Михаил. Он подтолкнул соседа в направлении своего дома. – Пойдём, оденешься. Верно, продрог до костей. Умоешься. Весь чёрный, и лоб в крови.

– Какую собаку?!

– Обыкновенную, с хвостом и лапами. Чтобы на чужих лаяла и к дому не подпускала.

Курбатов потрогал лоб. На ладони остались сажа и кровь.

– Погоди, – вспомнил он и взялся за мобильный телефон.

Трубу на той стороне не брали.

– В город мне надо, срочно! – сказал Курбатов. – Так срочно, Михалыч, как никогда!

– Я б тебя отвёз, да выпивши я, – отозвался сосед.

Курбатов мчался по ночному шоссе в такси на заднем сиденье в брюках, пиджаке и куртке на три размера больше, чем ему требовалось. Михаил отдал, что было в доме. В таком наряде чуть больше чем через час Курбатов выбрался на Тверскую улицу, не доезжая до книжного магазина «Москва». Огромное неудобство доставляли брюки. Дырочек на пояском ремне не хватало. Брюки приходилось придерживать рукой, чтобы не складывались гармошкой и не лезли под подошвы больших зимних ботинок с высокими задниками. Но брюки всё равно складывались и лезли под каблучки, крайне сковывая движения.

Набрав код входной двери, Курбатов проник в вестибюль подъезда. Консьержка за стеклом отложила вязанье на топчан и вышла из комнаты навстречу. Обыкновенно подтянутого и одетого с иголки Курбатова она не сразу узнала в странном наряде. Ссадина на лбу с запёкшейся кровью, взъерошенные волосы и следы сажи на шее сбили её с толку. Она не успела задать вопрос, потому что створки лифта сомкнулись и кабина поползла на четвёртый этаж.

На звонок никто не отвечал. Колотить в железную дверь кулаками было бы и больно, и бессмысленно. Курбатов в бессилии опустил руки и быстро соображал, что предпринять: вызывать полицию или всё же попытаться выломать дверь. В любом случае необходима помощь.

Выламывать дверь и звать на помощь не пришлось. Замок с лязгом щёлкнул, дверь тяжело приоткрылась, и в образовавшемся проёме показалась няня Мишеньки. В её широко открытых глазах застыл ужас. К сгусткам крови на лбу и щеках прилипли пряди светло-русых волос. Над правой бровью зияла кровавая ссадина. Шея, подбородок и платье на груди также были вымазаны кровью. Женщина качнулась и рухнула на Курбатова. Тот подставил руки, втащил обмякшее тело в просторный коридор, уложил на ковёр и пощупал на шее пульс. Няня находилась в глубоком обмороке.

– Паша! – позвал он Гомельского.

Ни звука в ответ. По кровавым следам на ковре и паркете Курбатов двинулся внутрь квартиры. Сердце яростно колотилось. С каждым шагом оставленные кем-то следы крови на полу становились гуще и шире. Максим остановился у входа в зал, не понимая, что перед ним. Кровью был залит пол, вымазаны стены и чёрный рояль. Пюпитр с нотами лежал также пропитанный кровью рядом с табуреткой. Табуретка с винтовой ножкой стояла сиденьем вниз на окровавленной массе в месте, где должна была быть человеческая голова. По обнажённой груди и вывернутой шее угадывалось тело женщины. Определить, во что она была одета, не представлялось возможным: из разорванного живота на бедра и ноги вывалились внутренности. Поодаль от женщины лежал обезглавленный труп хозяина квартиры. Его голова смотрела из-под стула широко раскрытыми остекленевшими глазами. Рот был открыт, словно человек продолжал вопить от ужаса. На губах запеклась кровь. Смолянистые, курчавые волосы торчали дыбом.

За двенадцать лет работы в прокуратуре Курбатов насмотрелся всякого. Были и расчлѐнные трупы. Привыкнуть к этому невозможно, можно только абстрагироваться. Или относиться к жестокости как к неизбежной издержке профессии. Теперь дело обстояло иначе. В комнате лежал человек, знакомый с детства. Ещё утром он говорил, переживал, жил. А сейчас его нет. Нет Вики, его жены. Отстраниться от этого не получалось. Горький ком подступил к горлу.

Курбатов сел на корточки и опустил голову, чтобы прошла подступившая тошнота. Через мгновение он вспомнил и быстро осмотрелся. Ребѐнок! Где ребѐнок?!

Из соседней комнаты доносились звуки. Они походили на бульканье или всхлипывания. Придерживая брюки рукой, Курбатов двинулся по кровавой луже к комнате. Брючины пропитались кровью. Максим снова почувствовал прилив тошноты. Он сделал глубокий вдох и выдох и заглянул за дверь. В углу, сжавшись в комочек, сидел мальчик шести лет в пижаме с синими слониками. Пижамы совершенно чистая, без единого пятнышка крови или грязи. Очевидно, Миша спрятался здесь в углу и его не нашли или не искали те, кто побывал в квартире. А почему побывал? Быть может, они ещё здесь?! Мальчик громко икал. Курбатов хотел взять его на руки, но мысль о том, что в помещении может быть ещё кто-то, заставила его выпрямиться. Он прислушался.

– Миша, в квартире ещё есть кто-нибудь?! – прошептал Курбатов.

Мальчик смотрел испуганно и молчал.

– Где мама Катя? – так Миша называл свою няню. Курбатов знал, что ребѐнок очень привязался к женщине. Малыш напуган, и задавать ему вопросы бессмысленно.

Курбатов обошёл квартиру. В кабинете Гомельского зиял дырой распахнутый сейф, что был вмонтирован в стену. Бумаги разметало сквозняком по полу. Из открытого окна ветром задувало снежинки. Курбатов выглянул на улицу. Ни пожарной лестницы, ни балкона рядом не наблюдалось. Следовательно, преступники проникли в квартиру другим путѐм. Быть может, Гомельский или его жена пытались позвать на помощь? «Нужно опросить консьержку», – подумал он и вспомнил её безмятежное лицо: если она что-то видела или слышала, то её выдержке могут позавидовать дипломаты или разведчики.

Соседи. Почему на шум не отозвались соседи? Они не могли не слышать, что происходит за стеной.

Нужно привести в чувства няню и расспросить её. И успокоить мальчика. Максим не успел додумать, в какой последовательности поступит. Удар по затылку свалил его с ног, и он потерял сознание.

Курбатов очнулся от резкого запаха нашатыря. Он поморщился, открыл глаза и отодвинул руку с пузырьком. Секунду Максим соображал, почему оказался на полу и чьи ноги ходят рядом. По комнате двигались люди.

– Кажется, очухался! – услышал он мужской голос над головой.

– Точно, – подтвердил другой.

Курбатов приподнял голову и увидел двоих в штатском. Они не походили на ребят из детективных телесериалов с обрюзгшими лицами артистов, набранных из московских театров. В их жестах и глазах присутствовала настороженность. Один держал в руках наручники. Другой стоял в расстѐгнутой потѐртой дублѐнке. Ему явно было жарко в ней, по виску скатывалась капля пота. Шарф он накрутил на кулак.

– Встать сможете? – спросил он.

– Попробую.

Курбатов тяжело поднялся. Кровь на брюках запеклась. Шею ломило. Подташнивало.

– Это для меня? – кивнул он на наручники.

Один заслонял собой окно. Другой стоял на пути к двери.

– Вы кто и как здесь оказались? – спросил тот, что держал наручники.

– Я друг семьи. Курбатов Максим Константинович. По коду вошёл в подъезд. Дверь мне открыла Екатерина Сергеевна, няня Миши. Кстати, как она?

– В порядке, продолжайте.

Курбатов рассказал всё, что произошло за день: и про разговор в кафе, и про сгоревший дом, и про последний звонок Гомельского, и про наличие лицензии частного сыщика.

Оба с сомнением разглядывали наряд Курбатова. Он увидел своё отражение во весь рост в стекле на двери книжного шкафа. Бомж в мусорном мешке. К тому же брюки почти до колен в крови.

– Вам придётся проехать с нами для выяснения, – сообщил тот, что был в дублёнке. Его товарищ по-прежнему держал наручники наготове.

– Позвоните следователю следственного комитета Салтыкову, – предложил Курбатов и назвал номер мобильного. – Мы работали вместе.

Тот, что в дублёнке, набрал номер. Отошёл к двери, не выпуская Курбатова из поля зрения, и заговорил. Через минуту отключил и сунул трубу в боковой карман дублёнки.

Черты его лица смягчились, но глаза оставались настороженными.

– Вроде всё нормально, – кивнул он напарнику. Тот спрятал наручники под куртку. – Сейчас за вами приедут, – сообщил офицер Курбатову.

В комнату вошёл молодой полицейский в погонах лейтенанта.

– Мобильный потерпевшего. Нашли при нём, в кармане.

Человек в дублёнке взял аппарат и просмотрел номера.

– «Макс» – это вы? – спросил он, оторвавшись от телефона.

– Я.

– Сходится. Абонент выходил на связь три часа назад.

Курбатов посмотрел на настенные часы. Стрелки показывали два часа ночи. Он провалялся без сознания около часа.

– Где ребёнок? – спросил Курбатов.

Офицеры переглянулись.

– Какой ребёнок?!

– В соседней комнате в углу сидел мальчик. Сын Гомельских. Где он?

Пересекая зал, Курбатов старался не смотреть по сторонам. Зал располагался в центре квартиры, и обойти его не представлялось возможным. Люди в халатах паковали трупы в полиэтиленовые мешки и укладывали на носилки. Голову из-под стула убрали, но кровь осталась. Кровь была везде. «Тому, кто будет отмывать эту комнату, не позавидуешь», – промелькнуло в голове Курбатова.

Мальчик сидел на коленях у няни, уткнувшись головой в её грудь. Сама няня расположилась в кресле у окна и поглаживала ребёнка по спине, едва заметно раскачиваясь из стороны в сторону. Курбатову показалось, что она напевает колыбельную. На лице женщины читалось умиротворение. Казалось, она не замечает окружающих её людей и сосредоточена на мальчике и на своих мыслях. Лицо её было просветлённым. Ужас и страх исчезли. В уголках пухлых губ застыла полуулыбка. Её длинные и густые светло-русые волосы укрывали плечи мальчика.

Курбатов регулярно навещал семью Гомельских и знал от Павла, что это натуральный цвет волос няни. Ещё он знал, что Екатерина свободно говорила и писала на четырёх европейских языках, отлично разбиралась в современной и классической русской литературе, любила живопись и могла поддерживать разговор на любую тему так же легко, как играть на фортепиано. Курбатов не понимал, почему человек с прекрасным образованием и талантами, наделённый красотой и другими достоинствами, не пытается сделать карьеру, а тратит свою жизнь на воспитание чужих детей. Привязанность мальчика к няне была очевидна. Курбатов замечал даже ревность Вики, которую та тщательно прятала под различными предлогами, когда речь

заходила о воспитании ребёнка. «Не перекармливайте Мишу сладким», – вмешивалась Вика, если Екатерина Сергеевна предлагала мальчику пирожное. «Не кутайте его в шарф, на улице достаточно тепло» – если ребёнка выводили на прогулку. Няня делала как велено. Но при этом глаза её улыбались. Миша опускал голову и укрдкой улыбался в ответ.

Вика запрещала Мише называть Екатерину Сергеевну «мама Катя». Она едва сдерживалась, чтобы не нагрубить няне, но брала себя в руки. Мальчик проявлял сообразительность и, как только надвигалась гроза, подбегал к приёмной матери, обнимал за бёдра, уткнувшись в ноги, и лепетал: «Прости мамочка, я не нарочно!» Сердце Вики таяло, она переставала ревновать и, целуя сына в обе щеки поочерёдно, отпускала на прогулку.

Насколько Курбатов знал, вопрос о смене няни поднимался в семье Гомельских однажды. Вика пожаловалась мужу, что мальчик больше привязан к посторонней женщине, чем к ней, и с этим нужно что-то делать.

– Что плохого в том, что они так ладят друг с другом? – ответил тогда Павел. – Она любит нашего Мишу и не причинит ему вреда. Вспомни, сколько мы поменяли воспитателей, прежде чем остановились на Екатерине Сергеевне. При ней Миша перестал капризничать, она действует благотворно на психику ребёнка. Смотри, сколько талантов она в нём открыла. И шахматы, и музыка, и языки... Для Миши – да и для нас – она настоящая находка. Где ты в наше время найдёшь всесторонне образованного человека, не старого и с высокими моральными принципами?! Недавно я заговорил с Екатериной Сергеевной о физике. Так она и здесь преуспела. Оказывается, она знакома с работами...

– Ну да! Куда мне до вашей Екатерины Сергеевны?!

– Ты ревнуешь?! – удивился Павел. – Не глупи, Викуля. Это перебор...

Однажды Екатерина Сергеевна сказала больно и не появлялась неделю. Миша замкнулся. Плохо ел и извёл мать капризами. С возвращением «мамы Кати» мальчик повеселел и ожил. Разговоры о замене воспитательницы прекратились. Вика смирилась. Ради благополучия ребёнка она была готова терпеть соперницу рядом.

– Не помешаю? – тихо спросил Курбатов, чтобы не вносить дисгармонию в наступившее умиротворение.

Екатерина Сергеевна осторожно повернула голову, стараясь не шевелиться. Мальчик уснул. Она не хотела тревожить ребёнка.

– Он спит, – шёпотом ответила женщина.

В её больших серых глазах светилась любовь. Сердце Курбатова сжалось. Он вспомнил, как жена вот так же убаюкивала их маленького сына. Её карие глаза лучились бесконечной нежностью.

– Вы позволите? – услышал Курбатов голос за спиной.

Он посторонился. Тот, что в дублёнке, подошёл к Екатерине Сергеевне.

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов, – сказал он.

Екатерина Сергеевна подвинулась в кресле, чтобы видеть собеседника.

– Быть может, ребёнка отнести в детскую? Там ему будет удобнее, – предложил полицейский.

– Со мной ему спокойнее, – ответила няня. – Он крепко уснул и нам не помешает.

Офицер пожал плечами.

– Что произошло? – спросил он.

Рассказ Екатерины Сергеевны оставил больше вопросов, чем ответов. С её слов, когда она укладывала ребёнка, кто-то сзади ударил её по голове. Она потеряла сознание. Как преступник проник в квартиру, кто ему открыл дверь или он влез через окно, сколько их было – она не знает. Когда она пришла в себя, Гомельские лежали на полу. Мальчик прятался в сосед-

ней комнате. В квартиру позвонили. Екатерина Сергеевна открыла входную дверь. Увидела Максима Константиновича. Голова закружилась, ей стало дурно, и она снова отключилась.

– Понятно, – кисло кивнул человек в дублёнке, всем своим видом показывая, что ему ничего не понятно. Лицо его напарника также не выражало оптимизма.

– Может, следует опросить консьержку? – аккуратно вставил Курбатов.

«Как раз твоих советов нам и не доставало», – говорил взгляд того, что спрятал наручники. Он ответил с неохотой:

– Она ничего не расскажет. Её нет.

– Я видел, как она вязала, – удивился Курбатов.

– А теперь не вяжет. Спицы и нитки на месте, а её нет, – раздражённо отозвался офицер и отошёл в сторону.

Его напарник проявил большую учтивость и пояснил:

– Она ничего не расскажет потому, что её тоже убили. Скорее всего, как свидетеля...

Екатерина Сергеевна вздрогнула, но не произнесла ни звука.

– Ну и ночка! – пожаловался в дублёнке. Он вышел из комнаты вслед за товарищем.

Голова шла кругом. Курбатов почувствовал слабость в ногах и сел на стул. Он всё ещё не мог прийти в себя. Пожар и убийства потрясли его. Он постарался отстраниться от реальности, как делал обычно в стрессовых ситуациях, так, словно всё происходило не с ним, а где-то далеко и он не участник, а наблюдатель. Но сейчас это не срабатывало. Работа в прокуратуре и расследование уголовных преступлений научили Курбатова раскладывать факты и выстраивать логическую цепочку событий. Это удавалось легко сделать потому, что не касалось его лично. Теперь сгорели его дом и автомобиль, погиб его друг и жена друга, пострадал их приёмный сын. От всего этого оказалось непросто отстраниться.

Курбатов подумал о мальчишке, и сердце его снова сжалось. Ребёнок только обрёл семью и снова потерял её. Что он увидел, что услышал в эту страшную ночь? Как это скажется на его психике?

Ребёнок безмятежно спал на руках няни. Екатерина Сергеевна покачивалась и смотрела в пространство невидящими глазами.

– Думаю, оставаться здесь вам не следует, – обратился Курбатов к женщине. – Вам есть куда идти?

– Разумеется, – отозвалась Екатерина Сергеевна. Она смотрела ясными серыми глазами. – У меня квартира на Пречистенке.

– Вам нужна медицинская помощь?

Няня потрогала голову и ссадину над бровью.

– Справлюсь, – уверенно ответила она и улыбнулась.

Два ровных ряда зубов восхитили Курбатова белизной. В рекламе по телевизору он видел выбеленные до блеска зубы, но то был виртуальный мир. В реальности он не встречал женщин с такой красивой улыбкой и белоснежными зубами.

Курбатов помнил, как долго Гомельские подбирали кандидатуру няни для Миши. За основу бралось, сумеет ли ребёнок поладить с кандидатом. Мальчик оказался разборчив и отвергал всех подряд. Не помогали лучшие рекомендации предыдущих работодателей. Уговоры Вики тоже не действовали. Павел наблюдал за процессом со стороны. Ему начинал надоедать бесконечный калейдоскоп претенденток, когда в их доме появилась Екатерина Сергеевна. Она увела мальчика в детскую, а через десять минут Миша вышел к родителям сияющий от радости. Он крепко держал няню за руку.

Определение «няня» не совсем подходило Екатерине Сергеевне в том значении, в котором привыкли воспринимать этот образ Павел и Вика. Слишком многогранна оказалась личность новой воспитательницы. Время показало, что вполне можно обойтись без преподава-

телей английского и французского языков: Екатерина Сергеевна благополучно заменила их. Она хорошо разбиралась в точных науках, помимо фортепиано умела играть на гитаре, учила мальчика рисовать, придумывала подвижные игры, и казалось, не существует на свете вещей, которых бы она не знала или не умела.

Однажды Курбатов застал Павла за шахматами. Тот склонился над доской и сосредоточенно обдумывал ход. На приветствие друга Гомельский ответил коротким рукопожатием и потёр подбородок.

– Оттачиваешь мастерство? – спросил тогда Курбатов. Он знал, что у Гомельского разряд по шахматам.

– Можно и так сказать. Озадачила меня Екатерина Сергеевна. Прихожу, никого нет, а здесь такой любопытный расклад.

Оба знали, что Вика не разбирается в шахматах. Следовательно, разыгрывать партию могла только Екатерина Сергеевна сама с собой, так как Миша ещё мал для серьёзных занятий.

В сезон отпусков Миша не хотел слышать об отъезде в Ниццу без своей няни. Гомельские вынуждены были взять Екатерину Сергеевну с собой. С тех пор повелось, что её возили за город, за границу, на увеселительные мероприятия. Миша не капризничал, не устраивал сцен, если ему отказывали. Он становился вялым и безжизненным, как цветок, пересаженный из одного горшка в другой. Ел без аппетита, ни к чему не проявлял интереса, погружался в себя, и лишь появление «мамы Кати» возвращало его к жизни. Вика безмерно страдала. Павел находил в сложившейся ситуации свои плюсы. Отправляясь с женой на увеселительные вечеринки, он был уверен, что ребёнок под надёжной опекой.

«Ты бы видел, как Катя быстро научила Мишку плавать! – хвастался Павел Курбатову, когда семья Гомельских вернулась из Индии. – Плавать в океане – это тебе не в бассейне на мелкой части барахтаться!» Было не совсем ясно, кем больше восторгается Павел: сыном или его воспитательницей.

Вику, дочь кадрового военного, с детства приучили к дисциплине. Это не означало, что отец превратил дом в казарму. Напротив, он нежно любил дочь, но требовал от неё неукоснительного исполнения своих обязанностей, в основу которых легла учёба в школе, помощь матери по дому и забота о младшем брате. На личность Вики никто не давил, но многолетнее исполнение чужих распоряжений приучило девушку беспрекословно подчиняться чужой воле. Выйдя замуж, она не сражалась за лидерство в семье, оттого Гомельские никогда не выясняли отношения, кто прав, а кто нет. Бесплодие подействовало на Вику угнетающе. Она чувствовала себя виноватой перед мужем, очень любила его и из благодарности за то, что он отвечал ей нежностью и никогда не выказывал и тени неудовольствия или разочарования из-за её неспособности родить, не спорила с ним. Он поддержал её решение взять на воспитание ребёнка из детдома. Любовь Вики выросла в безмерное уважение к мужу.

Она привыкла подчиняться, и теперь, когда в её жизни появился ребёнок, всё остальное казалось ей несущественным и второстепенным. Не стоило тратить жизнь на такие пустяки, как ревность из-за сына к посторонней женщине. Но как себя ни убеждала Вика, что статус-кво, установившийся в семье, пойдёт ребёнку на пользу, в глубине души не могла смириться с тем, что любовь сына приходится делить с посторонней женщиной. Всю жизнь Вика получала половину того, что причиталось ей целиком: любовь родителей, например. И теперь, когда она была готова отдавать свою любовь без остатка и наслаждаться ответной привязанностью Миши, которого она считала своим и только своим, выяснилось, что ей снова принадлежит лишь половина. Вика поняла, что тихо ненавидит Екатерину Сергеевну. Но чем сильнее была её неприязнь, тем глубже она прятала её от посторонних глаз.

Курбатов, сторонний наблюдатель, замечал, как Вика опускала свои пушистые ресницы при появлении «мамы Кати», чтобы скрыть вспыхнувшую ярость, но тотчас улыбалась в ответ на приветствие. Самодисциплина никогда не подводила её.

Екатерина Сергеевна не замечала скрытой неприязни приёмной матери Миши. Или делала вид, что не замечает. Курбатов ни разу не увидел на её лице даже мельком пробежавшего раздражения или недовольства, если Вика делала ей замечание. Няня вела себя безукоризненно, и придрататься к её промахам было непросто – она их практически не делала. Максим восхищался выдержкой Екатерины Сергеевны. Однако было в её молчании что-то неуловимое – будто человек знает нечто, чего не знают другие, и пользуется этим преимуществом втайне от остальных. Интуиция подсказывала Курбатову, что тайну эту чувствует Вика, но не может разгадать. И тем ей горестнее и обиднее, что тайна эта поделена между её мальчиком и чужой женщиной. Сознание бессилия ещё больше разжигало ревность матери.

Миша будто чувствовал соперничество женщин и всячески старался сгладить острые углы. Ребёнок в шесть лет видел и понимал то, что иногда не способны увидеть и понять взрослые люди. Если собирались кататься на лодке по озеру, Миша обязательно садился рядом с матерью и прижимался к ней, но при этом няню усаживал напротив – так, чтобы она находилась рядом. Он прятал яблоки за спиной и первой предлагал матери выбрать руку. Вика неизменно получала яблоко больше и краснее. Если на прогулке по лугу с няней он вылавливал сачком яркую бабочку, то бежал скорее к матери показать, какая бабочка красивая. Эти маленькие хитрости, по мнению Миши, должны были убедить мать, что дороже и ближе неё у него никого нет. Его хитрость срабатывала. Вика расцветала в счастливой улыбке.

При каждом удобном случае Вика с гордостью показывала гостям их загородного дома, какой гербарий или букет собрал для неё сын. Екатерина Сергеевна при этом только улыбалась. Лицо оставалось безмятежным, как лицо уверенного в себе человека. Хвастовство матери, казалось, раздражает Мишу. На его лице появлялась досада. И чтобы это никто не заметил, он убегал, якобы смущённый дифирамбами в свой адрес. Мать восторгалась скромностью сына и звала приголоубить. Миша возвращался и прятал лицо в её коленях.

Курбатов подмечал, как по-взрослому Миша терпит боль, если в игре вдруг упадёт и ударится. Он никогда не бежал к матери жаловаться. Он не гримасничал и не корчился, чтобы привлечь к себе внимание. Однажды у озера Миша прыгнул за резиновым мячом. В траве, куда он упал, оказались стёкла разбитой бутылки. Мальчик рассёк себе ладонь. Кровь хлынула из глубокой раны. Миша пережал запястье и не проронил ни звука по дороге в больницу. Павел выжимал из двигателя «Мерседеса» всё, что можно было выжать, приговаривая: «Потерпи, сынок!» Вика обнимала мальчика, причитала и плакала. Миша, белый как мел, переводил взгляд от быстро меняющихся пейзажей за окном на коврик под ногами, куда капала алая кровь. В больнице мальчику наложили швы. Он потерял много крови, но не хныкал и не жаловался.

– Крепкий малый, – сказал в тот же вечер Павел Курбатову, потягивая виски с колой из стакана. В его голосе слышались гордость, уважение и нежность. – Настоящий мужик растёт. Он даже комплимент докторше отвесил, представляешь?!

Они сидели на террасе загородного дома в плетёных креслах.

Максим утвердительно кивнул и ответил:

– И как грамотно он пережал себе запястье! Интересно, когда и кто его этому научил?

– Дети в детских домах взрослеют рано, – сказал Павел с грустью.

Екатерина Сергеевна дожидалась возвращения Миши и его родителей дома. Её не смутил ни вид крови, когда Миша встал из травы и схватился за руку, ни срочный отъезд семейства в районную больницу. Она не «истерила» и не паниковала. Волнение выдавали сосредоточенное лицо и плотно сомкнутые губы.

Её глаза увлажнились при виде мальчика. Он выпорхнул из автомобиля с белым бинтом на руке, обнял няню и прижался щекой к её животу. Она положила свои красивые, ухоженные руки ему на плечи и закрыла глаза. Так они простояли несколько секунд. Миша поднял лицо.

– Очень больно? – негромко спросила она.

Это был даже не вопрос, а утверждение.

– Вам было больнее – остаться в одиночестве, – ответил Миша.

Курбатов стоял неподалёку и слышал их разговор. Его поразила чуткость ребёнка. Это были слова взрослого человека.

Из машины вышли Вика и Павел. Миша вернулся к матери и взял её за руку. Все пошли в дом пить чай с «Киевским» тортом и отмечать благополучное завершение неприятного приключения.

– Ну и видок!

Курбатов обернулся. Появление следователя Салтыкова было кстати. Они вместе проработали в прокуратуре восемь лет и неплохо ладили. До дружбы семьями дело не дошло, но взаимное уважение присутствовало. Ни тот, ни другой не подлизывались к начальству, но субординацию соблюдали и делали своё дело исправно.

Салтыков Юрий Алексеевич, грузный мужчина, в силу своей комплекции не любил суеты и считал, что лишние телодвижения необходимы при занятии физкультурой. Во всех других случаях, прежде чем отрезать, нужно не только семь раз отмерить, но и хорошенько взвесить, понюхать, пощупать и попробовать на зуб. Его дотошность у руководства вызывала оскмину, но именно тщательная проработка материала позволяла Салтыкову добиваться положительных результатов даже в «бесперспективных» делах.

Рядом с Салтыковым стояли те, что приводили в чувства Курбатова. Коротко и доходчиво офицер в дублёнке обрисовал обстоятельства дела. Указал места, где были найдены трупы и все участники происшествия.

– М-да, – Салтыков окинул взглядом пол и стены, залитые кровью. – Прямо бойня, а не квартира. Ты-то здесь как оказался?

На адресованный ему вопрос Курбатов ответил рассказом о том, что знал и что с ним случилось.

– Где флешка? – спросил Салтыков, выслушав Курбатова. – Вряд ли дело в ней. Но ознакомиться бы не мешало.

Все посмотрели на Курбатова. Он ощупал карманы брюк и куртки, но только для видимости. То, что флешку он не брал с собой из деревни, Максим помнил.

– Ладно, отыщется, – Салтыков отвернулся к полицейским. В квартире он находился неофициально, но в силу привычки спросил: – Соседей опросили?

Все трое прошли в зал. Максим остался наедине с Екатериной Сергеевной.

– Как, по-вашему, это неудачное ограбление или что-то другое? – спросил Курбатов женщину.

Он знал, что его вопрос поняли.

– Для ограбления слишком много крови, – ответила Екатерина Сергеевна. – Дорогие предметы на месте. Сейф открыт, но Павел Анатольевич как-то обмолвился, что не держит ценности в доме. Искали что-то другое.

Курбатов мысленно согласился. Деньги и всё, что считал необходимым, Павел хранил в банке.

– Тем не менее сейф в квартире стоит не для хранения колбасы, верно? – скорее сам себе адресовал вопрос Максим.

Екатерина Сергеевна потупилась и отвела глаза, едва сдержав улыбку. Она не считала Максима простаком, но его остроты иногда казались ей слишком прямолинейными.

В последние месяцы Курбатов заметил за собой некоторую рассеянность. Он зачастил к Гомельским и оставался в их доме подолгу. Вика лукаво поглядывала на него, а Павел обмолвился, перелистывая в кресле газету: «Что-то ты, брат, несобранный какой-то стал.

С чего бы это?» Он подмигнул и многозначительно посмотрел на соседнюю дверь, откуда доносились залихватистый смех Миши и звонкий голос няни. Женщина что-то рассказывала мальчику в ролях. «А?!» – отозвался Курбатов. «Бэ!» – передразнил его Павел.

Курбатов тяжело переживал развод. Скучные дни походили один на другой. Тоска по детям и жене грызла и не давала спать. Работа не приносила удовлетворения. Если до ухода жены в мини-баре у Максима водка стояла «на всякий случай» и её откупоривали по большим праздникам, то теперь содержимое бара обновлялось регулярно, два-три раза в неделю. Недобрую тенденцию заглушать тоску алкоголем Курбатов прекратил. Слишком много печальных примеров он в своей жизни наблюдал. Люди не замечали, как скатывались по наклонной в бездну, и уже оттуда не возвращались.

С появлением Екатерины Сергеевны в жизни Курбатова кардинально ничего не поменялось. Небольшая деталь: Курбатов всё чаще ловил себя на мысли о молодой женщине и на том, что сравнивает её с Мариной. У женщин было много общего: умение становиться душой компании, тонкое чувство юмора, красота и обаяние. Во многом Марина уступала Екатерине Сергеевне, но перевес всё же оставался за ней: она оставалась матерью детей Курбатова. То, что Максим не переставая думал о женщинах, сравнивал и анализировал, возвращало его к жизни, и листья на деревьях снова становились зелёными, а луна в звёздном небе – жёлтой, а не бесцветной, как было недавно.

Максим почти ничего не знал о прошлой жизни Екатерины Сергеевны. Прямо расспросить у Павла он стеснялся, а приставать с вопросами к Екатерине Сергеевне было бестактно. Он исподтишка, под личиной бдительности – всё-таки новый человек в доме, интересовался у Павла, кто она и откуда. Тот рассеянно, между делом, перебирая на столе бумаги, отвечал, что рекомендательные письма очень хороши, что ей тридцать пять лет, что родилась в Санкт-Петербурге, детство и юность подолгу проводила с родителями за границей (отец был каким-то официальным представителем постпредства), получила музыкальное образование, окончила санкт-петербургский институт культуры имени Крупской, судимостей и приводов не имеет. Почему выбрала стезю «гувернантки»? Объясняет нетерпимостью к консервативной и перегруженной бюрократическими требованиями системе образования. Детей нужно учить, а не строить отчёты о проделанной работе. Почему не замужем? Не сложилось.

Курбатов не робел перед женщинами, но сердцеёдом не слыл. Среднего роста и средней комплекции, в свои неполные сорок лет он производил впечатление человека, уверенного в себе и неглупого. Седые вески, густой тёмно-русый чуб, серые глаза с лёгким татарским разрезом, прямой нос и волевой подбородок делали его узнаваемым в толпе. Хорошо поставленным голосом он мог рассказать анекдот или короткую историю так, что окружающие хохотали до слёз. Но мог и значительно промолчать, если того требовали обстоятельства, и эта значительность придавала ему веса в глазах окружающих. Курбатов умел разговаривать собеседника и в один час узнать всю подноготную его жизни. Он казался своим парнем, но человек, который изливал ему душу, оставшись один, с удивлением открывал, что едва ли может назвать имя того, перед кем с таким пылом выворачивался наизнанку.

Однако Екатерина Сергеевна не спешила открываться Курбатову. Она поддерживала беседу, рассказывала о нравах в местах, где ей доводилось бывать. Живо повествовала забавные истории о людях, с которыми ей приходилось встречаться, но никогда не упоминала о родителях и близких, не говорила о школьных и институтских товарищах и, казалось, создала невидимый барьер, за который не переступала сама и не давала перешагнуть другим.

Курбатов знал, как женщины, чтобы завоевать мужчину напускают на себя загадочности, недоговаривают, делают паузы со значением, за которыми на самом деле нет никакого значения, кроме одного – показаться необыкновенной. Екатерина Сергеевна не стремилась казаться лучше или хуже того, кем или чем была. Она смеялась, если было смешно, грустила, когда было грустно. Не жеманничала и не старалась произвести впечатление. Но одновременно показывала

интерес к словам собеседника, хотя по выражению её лица было непонятно – так ли ей интересно. В её присутствии Курбатов чувствовал себя легко, чувствовал себя мужчиной и уходил от Гомельских в приподнятом настроении. По утрам он, как прежде, стал пробегать три километра и делать гимнастику с гантелями, чего не делал полгода. Мышцы его тела наливались силой. Это придавало уверенности в себе и бодрило. В глазах появился тот блеск, который придаёт лицу живости. Гомельские видели перемены к лучшему в Максиме, подтрунивали над ним. Екатерина Сергеевна также подметила, как преобразился Максим, и сделала комплимент: «Вы помолодели. И новый галстук вам к лицу».

Курбатов решился пригласить Екатерину Сергеевну в ресторан. Она ответила вежливым отказом: занята, но как только освободится, непременно поужинает с ним. Максим мужественно принял отказ, но отступить не собирался.

У Гомельских начали происходить странные вещи. Курбатов чувствовал, что не время наносить визиты старому другу, и заходил реже. В атмосфере семьи повисло неуловимое напряжение. Здесь перестали смеяться. Максим находил друга задумчивым и угрюмым. На вопросы тот отвечал неохотно и пространно. В глазах появилась тревога. Как-то Павел обмолвился: «За год Миша совсем не вырос. Ни на один сантиметр». «Скорее всего, разгадка перемены настроения в семье кроется в здоровье ребёнка», – решил Максим, но не стал приставать с болезненными для отца вопросами. Другой раз Курбатов нашёл Вику подавленной. «Вчера Миша подрался с мальчиком. Мальчик пришёл к нему в гости», – сказала она. «Ну и что? – удивился Курбатов. – Мальчишки часто дерутся между собой. Помню я...» Вика не дала договорить: «Миша сломал ему палец. Только за то, что тот взял без спроса шахматную фигуру с доски!» Курбатов взялся утешать мать, что это случайность, сам между тем припоминая, как однажды возился с Мишей и как, заигравшись, мальчик ударил его ногой, обутой в ботинок. От боли Курбатов простонал и ухватился за ушибленное место. Охота играть пропала. Миша бросился обниматься и просить прощения. Но как показалось Максиму, не очень искренне. «Возможно, Павел прав, – подумал тогда Курбатов, – в детском доме дети взрослеют быстрее и учатся стоять за себя тоже по-взрослому». В Мишкино оправдание Курбатов сравнил его поведение с поведением кошки. Когда её долго теребят и не отпускают, она злится и выпускает когти. Если предупреждение не действует, кошка больно царапает и убегает.

– Я отвезу вас домой, – предложил Салтыков Екатерине Сергеевне. – И тебя тоже, – повернулся он к Курбатову.

– Я возьму с собой Мишу! – заявила женщина.

– Разумеется, – ответил Салтыков.

Курбатов проводил женщину до дверей квартиры. Мишу он передал с рук на руки и простился, убедившись, что женщине и ребёнку ничего не угрожает.

– Записи стёрты с камер наблюдения. Консьержку нашли в подсобке с пробитой головой. Ещё дышала, но в себя не пришла, – сообщил Салтыков, управляя неновым Renault отечественной сборки.

Юрий Алексеевич не ходил по головам ради карьеры, не играл в «честного парня», не клеймил позором коллег, нечистых на руку, и не мешал другим забираться вверх по служебной лестнице. Он никому не мешал, и никто не мешал ему. Установившееся равновесие устраивало начальство и коллег. От «подарков» за мелкие услуги Салтыков не отказывался, но в целом чтит закон и служил ему верой и правдой. Отчего на дорогах автомобилях ездили другие, а не он.

«Рено» выехал на Садовое кольцо. В четыре утра машин было недостаточно для дорожных пробок, но их хватало вполне, чтобы влететь в ДТП. Поэтому Салтыков не отвлекался от дороги и говорил не поворачивая головы.

– Преступники были хорошо осведомлены.

Курбатов вспомнил слова Гомельского в кафе. Павел тоже утверждал, что записи кто-то неоднократно стирал.

– Соседи ничего подозрительного не слышали. Консьержка пропала. Ты её точно видел? – спросил Салтыков.

Его руки цепко держали руль. Он бросил короткий взгляд на Курбатова.

– Вот как тебя сейчас. Только вместо руля она держала спицы с вязаньем.

– Меньше чем за час бабулю убрали как свидетеля. Уличные камеры зафиксировали, как двое неизвестных, в капюшонах, вошли в подъезд и через пять минут вышли. Лиц не видно.

– Вполне достаточно, чтобы приложить ломик к чужой голове и спрятать тело, – сказал Курбатов.

– Почему ломик? Орудие преступления не найдено...

– Ну, бита, или молоток, или ещё что-нибудь...

– Кстати, по одной из версий у полицаев ты подозреваемый, – обрадовал Салтыков. – Так сказать, друг семьи. Знаешь, где что лежит. Где что стоит и как отключается. Навёл подельников. Они сделали дело. Для видимости стукнули тебя по темечку. Ты для порядка полежал, передохнул. Затем спустился «проведать» бабушку. Вернулся, чтобы ещё немного полежать, и «очнулся» жертвой. С головы до пят в своей и чужой крови. А что, вполне правдоподобно. Колись, какая корысть?

– Сейчас направо, – указал поворот Максим.

– Знаю... Если серьёзно, то, кроме мужика и бабы, что заходили в подъезд, зацепок никаких.

– Почему вы решили, что входили мужчина и женщина, если не было видно лиц?

– Потому что в нашей стране мужики в юбках не ходят. Один из подозреваемых был одет в юбку.

– Какого цвета была юбка?

– По-моему, в серую клетку, а что?

– Так, ничего.

Курбатов вспомнил кафе и двоих за столиком. Во что была одета женщина? Куртка, длинный шарф и, кажется, юбка. Цвет. Кажется, клетка. Ещё в школе классная руководительница Тамара Германовна хвалила Курбатова за его зрительную память. Он мог выучить стихотворение, прочитав один раз. Умение запоминать детали очень помогало ему в работе и в жизни.

– Чем занимался Гомельский? – спросил Салтыков.

– Инновационные технологии, – ответил Курбатов. – Офисы в Челябинске, Пензе, Екатеринбурге, других крупных городах России. За кордоном тоже что-то имеется.

– Значит, денежки водились.

– И немалые, – подтвердил Максим.

– Кому отходило имущество и прочие радости жизни в случае кончины Гомельских?

– Осмелюсь предположить, детям или ближайшим родственникам.

– Вот! Мальчик Миша ещё маленький для серьёзных правонарушений. Следовательно, нужно искать тех, кому выгодна смерть Гомельских. Много у него любящей родни?

– Отца и мать он рано похоронил. В семье был единственным ребёнком. Но имелись дядя по линии отца и двоюродная сестра Лена. Мы с ней в детстве в стоге сена в прятки играли. А вот у Вики был родной брат. Они не очень ладили.

– Вижу, ты неплохо знал это семейство? – удивился Салтыков.

Курбатов кивнул и пожал плечами.

– Тогда, быть может, расскажешь о Корнеевой Екатерине Сергеевне? – спросил Салтыков.

– Ты думаешь, она может быть замешана? – спросил Курбатов. Эта версия ему не очень улыбалась.

Салтыков ухмыльнулся. Он обладал чутьём на всякого рода человеческие слабости. От него не укрылось замешательство Максима.

– Ты не хуже моего знаешь, Макс, что каждая версия имеет право на жизнь, даже самая абсурдная. Кто-то же стёр записи!

– С этим не поспоришь. Приехали.

Машина остановилась у подъезда. Салтыков не глушил мотор.

– Зайдёшь на рюмочку чая? – предложил Курбатов.

– Домой спать. Пару часов ещё успею урвать.

Курбатов поймал себя на мысли, что его познания о Корнеевой могут уместиться в анкетном листке. Не более того. Чем она живёт? Какие предпочитает книги и фильмы? Ходит ли в театры, посещает ли выставки? Кто её друзья? Есть ли в её жизни близкий человек? Ничего этого он не знал. Курбатов пересказал Салтыкову краткую историю жизни Екатерины Сергеевны. Симпатии и пристрастия он оставил при себе, как и тонкости взаимоотношений двух женщин. Следствие интересуют факты по убийству. «Взаимная неприязнь может стать мотивом, но не в этом случае», – рассудил Курбатов.

– По-моему она очень привязана к Мише, – добавил он в конце.

– Негусто, – констатировал Салтыков. – Как я понимаю, ты это дело не оставишь?

– Перед смертью Гомельский поручил мне разобраться во «всём» и вообще. Теперь главный вопрос: в чём мне надлежит разобраться и что такое «вообще»? – ответил Курбатов.

– Насчёт «вообще». Запретить я тебе не могу и отговаривать не стану. Он твой друг, я понимаю, долг чести и всё такое. Если что нароешь – держи меня в курсе. И найди флешку. Нам теперь любая информация в кассу...

В двухкомнатной квартире на Загородном шоссе, оставшейся от родителей, Курбатов сбросил с себя грязные ботинки и одежду на пол в прихожей и полез в ванну отмываться и отмокать. Он пересилил желание выпить и наслаждался теплом воды и её плеском. Плеск действовал успокаивающе на нервы и уносил к морю, в воспоминания. Макс лежит на влажном песке ногами к воде, раскинув руки крестом, и смотрит в небо. Блестящая точка самолёта расчерчивает синее полотно белой линией. Волна с шуршанием катится, широко размахнувшись по длине берега, пенясь и теряя силу. Облизывает пятки, подбирается к икрам, не дотягивается до бёдер и отступает, чтобы снова попробовать подобраться ближе.

Флешка. Курбатов открыл глаза. Он оставил её в деревне в доме у соседа, когда переодевался. Мысленно Максим прошёл весь путь от внедорожника до камина. Он собирался передохнуть и позже посидеть за ноутбуком. Флешку он положил в карман шаровар, чтобы потом не искать. Больше он её не доставал и не видел. Следовательно, с нею он выпрыгивал из разбитого окна и ползал по сугробам.

Перед глазами встал горящий дом и машина под навесом. Голова под стулом с оскаленными белыми зубами. Вика и всё, что вывалилось из неё и лежало рядом. Курбатов неуклюже зашевелился, ухватился руками за края ванны и встал. Вода струями с журчанием покатила с туловища и ног в колышущуюся пенную массу. Максим снял с крючка белое махровое полотенце. Отодвинул штору и уткнулся в полотенце лицом. Он посмотрел исподлобья в отражение в зеркале. Глаза напуганного до смерти человека. Курбатов отчётливо осознал, что произошло. Горло больно сдавил спазм. Максим зажмурился и выждал, пока волна горечи и страха отхлынет. Он не сразу услышал звонок. Надрывался мобильник в комнате на столе. Курбатов выбрался из ванной и, оставляя мокрые следы на паркете, а затем на ковре, поспешил к телефону.

– Максим Константинович, кто-то пытается открыть входную дверь! – услышал он голос Корнеевой. – Вы бы не могли приехать?!

– Вызывайте полицию, я сейчас...

«Вы бы не могли приехать... Другая бы на её месте визжала и звала на помощь», – подумал Курбатов. Он восхитился мужеством и выдержкой женщины.

«Нужно взять на время авто у Марины», – решил Максим, отлавливая попутку на дороге. Азербайджанец на убитой «шахе» довёз его до места.

– Кто? – услышал Курбатов голос в домофоне.

– Я, Максим.

В прихожей и на кухне горел свет. Екатерина Сергеевна испуганно смотрела на дверь, пока Курбатов её не закрыл.

– Полицию вызвали? – спросил Максим.

– Нет, после моего звонка дверь оставили в покое. Да и вы уже здесь. Чаю хотите?

Курбатов согласился и прошёл на кухню. Ничего необычного он там не обнаружил. Мойка, шкафы на стенах и табуретки в мягкой обивке у стола. На плите из носика чайника с посвистом выбивался густой белый пар. Корнеева выключила конфорку и потянулась в шкаф за кружками с блюдцами.

– Миша спит? – прислушался к звукам из комнаты Курбатов. Ему показалось, там кто-то ходит.

– Это часы с маятником так громко тикают, – пояснила Екатерина Сергеевна.

Синий халат из тонкого шёлка плотно облегал её гибкое тело и стройные бёдра. В широком разрезе была видна упругая грудь. Волосы, собранные на затылке в пучок, перетягивала пёстрая лента. Округлые плечи и ухоженная кожа на шее и лице завораживали. Максим заставлял себя смотреть в чашку, а не на гладкие руки и на то, что скрыто под халатом женщины, там, где начинаются ноги. От смущения он отхлёбывал кипяток большими глотками, обжигался, морщился и чувствовал, что выглядит смешно.

Екатерина Сергеевна видела его смущение, но оставалась невозмутимой.

– Что мне делать, если неизвестные снова попытаются проникнуть в квартиру? – спросила она. Её пальцы нервно поглаживали ручку чашки.

Курбатов секунду размышлял.

– Что им нужно в вашей квартире?

– Без понятия.

Одни вопросы, и никаких ответов. Он уйдёт, они снова объявятся. Они. Кто они? «Что же мне, поселиться тут?» – тихо злился Курбатов на себя. Он чувствовал свою беспомощность. Ещё он понимал, что необходимо что-то предпринять. Но против чего и кого? Максим взглянул на наручные часы. Шесть утра.

– Побудьте ещё немного, – попросила Екатерина Сергеевна. – Скоро город оживёт, и будет не так страшно.

Курбатов до боли в затылке хотел спать.

– Вы можете прилечь в соседней комнате на диване, – предложила Корнеева. Она сложила ладони лодочкой, будто умоляла. Брови её сдвинулись домиком, а лицо напоминало лицо ребёнка.

– Да, пожалуй, – согласился Курбатов.

Он и сам не хотел сейчас оставаться один. Холодок страха прочно засел в груди и не отпускал. Максим чувствовал, что смерть Гомельских и пожар в загородном доме – только начало. Предчувствия редко обманывали его. С этой неутешительной мыслью он провалился в глубокий сон.

Ему снилась волейбольная площадка на песке. Он приготовился отбивать летящий на него мяч, но вместо мяча в его руки упала голова с оскаленными зубами. Курбатов вскрикнул и открыл глаза. За окном рассветало. В кармане брюк дребезжал мобильник. На дисплее высветился номер соседа Михаила Михайловича.

– Слушаю, – отозвался Курбатов.

– Пожарный просит, чтобы ты заехал к ним в часть за справкой о пожаре. Представишь по месту требования, – сообщил Михаил.

– Куда именно?

– Куда потребуется. В страховую компанию. Полицаям. Да мало ли!

– Как там, в доме?

– Точнее, у дома, – поправил сосед. – Фундамент и углы. Дом застрахован?

– Наверное, да. Не помню...

– Во даёт! Вспоминай, деньги вернут.

– Мои вещи у тебя? Рубашка, шаровары – те, в чём я к тебе прибежал.

– Разумеется. Жена постирала. Висят, сушатся.

– Из карманов всё повинытаивали?

– Да вроде бы пусто было.

– Посмотри, очень важно.

С полминуты в трубке слышалось сопение, потом голос:

– Нашёл. Типа железного колпачка.

– Спрячь это «типа» и никому не показывай и не рассказывай, – предупредил Курбатов. –

Я скоро приеду.

Курбатов натянул ботинки. Он старался двигаться тихо. Но видимо, это у него получилось недостаточно хорошо. В прихожей его ждала Екатерина Сергеевна. Она сложила руки на груди. Почти бессонная ночь практически не отразилась на её лице. Только едва уловимые чёрные круги под глазами выдавали усталость. Курбатов снова позавидовал стойкости женщины. Сам он чувствовал тяжесть в голове и во всём теле.

– Вы уходите? – спросила она.

– Нужно съездить в деревню.

– Что-то срочное?

– Так, ничего особенного, – уклончиво ответил Курбатов. Ему не хотелось перегружать информацией Корнееву. Ей и без того досталось. – Постарайтесь не выходить из квартиры.

– Мы не можем здесь отсиживаться бесконечно.

– Побудьте здесь хотя бы до моего возвращения.

– А потом?

– Что-нибудь придумаем.

Екатерина Сергеевна пожала плечами. Максим не понял, согласилась она или нет. Он заглянул ей за спину, в комнату, где находился ребёнок.

– Миша спит, – ответила на его немой вопрос Корнеева. – Перенесённый стресс отнял у ребёнка много сил.

Запах тонких духов и бархатной кожи дурманил голову Курбатова. Ему захотелось обнять и успокоить женщину.

– Вы боитесь? – спросил Максим.

– Да, – ответила Екатерина Сергеевна.

Максим взял её за плечи и прижал к себе. Корнеева опустила голову ему на грудь.

– Я постараюсь защитить вас и Мишу, – пообещал Курбатов.

– Знать бы от чего.

Курбатов приложил щеку к её виску. Екатерина Сергеевна уклонилась от поцелуя и отступила, давая ему пройти.

– Извините, – смутился Курбатов.

Он шагнул к входной двери.

– Не обижайтесь, Максим, – Корнеева удержала его за руку, привстала на носочки и поцеловала в лоб. – Просто я не совсем в своей тарелке.

Курбатов понимающе кивнул и вышел.

В квартире Курбатова всё было перевёрнуто вверх дном. Сквозняк гонял по полу листки бумаги, выброшенные из выдвижных ящиков письменного стола. Сами ящики валялись близ канцелярского шкафа, дверцы которого были также распахнуты, а содержимое полок: книги, атласы и журналы – раскиданы по комнате. Не снимая пальто, Максим прошёл через кабинет и захлопнул форточку.

В спальне наблюдалась та же картина разорения. Матрац свален с кровати на пол, одеяла выброшены из гардероба. Синтепон из растерзанных подушек валялся повсюду: на тумбочках, на полу, на подоконнике... Сорванный со стены плазменный телевизор лежал на туалетном столике. Его экран треснул от удара.

Брюки, пиджаки, куртки, плащи, костюмы, рубашки – все вещи, где имелись карманы. Всё выкинули из кладовой комнаты. Карманы вывернули.

На кухне кастрюли, сковородки, ножи, вилки и ложки вперемешку с битой посудой валялись где попало. Из раскрытой духовки торчал наполовину выдвинутый железный поднос.

В ванной всё выглядело так же, как и на кухне: всё, что могло разбиться, было разбито; всё, что можно было вытряхнуть с полок, – вытряхнули.

Курбатов догадался: искали флешку. «Тем интереснее узнать её содержимое. Если тебе дадут до неё добраться», – размышлял Максим, собирая разбросанные по полу купюры. Деньги он положил во внутренний карман пиджака. «Если бы они знали, что флешка со мной, затолкали бы в машину и вытряхнули её из меня. Дойдёт и до этого, погоди. Знают, что флешки при мне нет. Осведомлённые ребята. Следят», – решил Максим и осторожно посмотрел из-за занавески в окно. У обочины дороги теснились припаркованные автомобили. Из одного из них, возможно, наблюдают за его окнами.

Курбатов отодвинулся от окна и набрал по мобильнику номер бывшей жены. Инициатор развода, она считала его виновным в их разрыве. Максим не оспаривал её точку зрения, хотя имел на этот счёт своё собственное мнение. Ты что, не знала за кого выходишь замуж? А если знала и тебе не нравится его профессия, зачем выходила? Думала, ради тебя он переквалифицируется в бухгалтера или в «домохозяйку»? Женская логика: раз ты мой, значит и поступать должен так, как я хочу. С детьми так же. Я мать, только я знаю, чего вам надо, лучше, чем вы сами знаете. Вот и решила за детей. Детям нужен отец, а не живая легенда. Теперь у детей есть «второй папа», как дядю Петю в шутку называл старший сын. Дядя Петя хорошо готовил, был незаменимым помощником по хозяйству, водил в зоопарк и катал на санках, но не умел отличить ТТ от макарова и в детстве ни разу не подрался. Зато в половине седьмого дома и на выходных в семье. Ни тебе командировок, ни срочных вызовов, ни дежурств. Благодать. Однако от этой нескончаемой благодати Марина казалась всегда раздражённой.

– Зачем тебе машина? У тебя есть своя! – сказала она взвинченным голосом.

Оба знали, что он вписан в страховку и что Марина автомобилем не пользуется. Её возит муж на своей машине.

– Уже нет.

– Продал?

– Нет, козни врагов. Спалили вместе с избушкой.

– Шутишь?!

– Какие уж тут шутки. Вчера вечером...

– Всё серьёзно?! – голос в трубке смягчился до сочувствия.

– Более чем. Гомельских убили.

Марина вскрикнула. Она уважала Павла и, как женщина, сочувствовала Вике. Их решение усыновить ребёнка Марина восприняла с воодушевлением.

– Миша...

– С мальчиком всё в порядке, – поспешил успокоить бывшую «половину» Курбатов. – Так как насчёт машины?

– Да, да, конечно!

На улице огромная капля ударила Максима по щеке. Он задрал голову. Увесистая сосулька свисала с козырька у входа в подъезд. Курбатов помянул недобрым словом коммунальщиков и поспешил сойти со ступенек на заснеженную дорожку. Не хватало стать жертвой чужого разгильдяйства. На пути к метро он не успел дойти до угла дома, как снова зазвонил телефон.

– Максим! – голос Екатерины Сергеевны звучал пронзительно громко. – Нашу квартиру перевернули вверх дном, пока мы ходили в булочную!

– Я же просил не выходить до моего возвращения!

– Может быть, нас и спасло то, что мы вышли. Что, если бы они расправились с нами, как с Павлом и с Викой?!

– Вызывайте полицию, я сейчас подъеду.

В квартире Екатерины Сергеевны царил тот же беспорядок, что застал у себя Курбатов. Всюду были разбросаны вещи, раскрыты шкафы и выдвинуты ящики. Всюду царила атмосфера разгрома.

Полицейский в тёмно-синей форме почитал удостоверение Курбатова и отдал после заявления Екатерины Сергеевны о том, что он явился по её просьбе.

– Вещи на месте? – спросил полицейский.

– Вроде бы да, – Корнеева ещё раз обвела взглядом квартиру.

– Деньги, ценности...

– Вроде бы не тронули.

– Вроде бы или точно?

– Точно, – утвердительно кивнула Екатерина Сергеевна.

– Наверное, не успели, – предположил другой полицейский.

Он, в форме сержанта, стоял в прихожей у входной двери. На его плече висел короткоствольный автомат дулом вниз.

– Сколько времени вы отсутствовали? – поинтересовался полицейский в лейтенантских погонах.

– Не больше получаса, – ответила Корнеева.

– Видимо, подельники с улицы предупредили о том, что вы возвращаетесь, – предположил сержант.

– За нами следили? – догадалась Екатерина Сергеевна.

– Разумеется.

– Не знаю, что их могло прельстить. Драгоценностей у меня нет, больших денег тоже. Техника? Кому она нужна...

– Квартира в престижном районе. Шли наудачу, – предположил сержант.

– Домушники, – подхватил лейтенант. – Заявление писать будете?

Корнеева вопросительно посмотрела на Курбатова. Тот не вмешивался в разговор. Он догадывался о причине визита неизвестных, но делиться соображениями на этот счёт с полицейскими не видел смысла.

– Ничего не украдено, – предложил подсказку сержант. – Если мы их даже возьмём – предъявить нечего...

– А если они снова явятся? – Корнеева с тревогой смотрела на полицейских.

– Пишите, если есть охота. Будем разбираться, – вздохнул лейтенант.

Полицейские потоптались некоторое время и ушли.

– И что нам теперь делать? – спросила Корнеева растерянно. – Ждать новых гостей?

Миша прислонился к ногам няни спиной. Он держал её руки обеими руками. Оба наблюдали за Курбатовым и ждали, что он ответит.

– Возьмите необходимые вещи. Поживёте у меня. Так будет безопаснее.

– Вы думаете, нам что-то угрожает? – спросила Екатерина Сергеевна.

К ней вернулось её обычное самообладание. Она говорила ровным, без эмоций, голосом.

– Возможно, – уклонился от прямого ответа Максим.

Он не был уверен, что в его квартире им будет лучше, но искренне желал, чтобы Екатерина Сергеевна с Мишей оставались рядом. Так они хотя бы будут у него на виду.

Корнеева уложила в дорожную сумку свои и Мишины вещи. Курбатов заметил в числе необходимых предметов шахматную доску. Женщина вызвала такси по телефону. На заднем сиденье жёлтого «Рено» мальчика усадили в детское кресло. Миша смотрел в окно и указательным пальцем водил по стеклу с недовольным видом. Что-то его разозлило. Всю дорогу молчали. Заговорили только в квартире.

– Смотрю, вас тоже не обошли вниманием! – горько усмехнулась Корнеева, оглядывая разгром. – Вы правда думаете, что здесь мы в безопасности?

– Второй раз они не сунутся. Нет смысла. То, что им нужно, они не нашли.

– Что им нужно?

– Думаю, флешка.

– Та, о которой вы говорили полицейскому в штатском?

– Видимо, да.

Курбатов помог Екатерине Сергеевне снять чёрное пальто из альпака и повесил его на плечики в шкаф. Миша разделся сам. Быстро скинул шерстяную куртку, подбитую камышовым котом, сунул шарф и вязаную шапку в рукав и ловко повесил куртку на вешалку. Ботинки он тоже расшнуровал самостоятельно и стащил их с ног по-взрослому – наступая на задники мысками.

– Твоего размера у меня нет, – сообщил Курбатов, заметив, что мальчик глазами ищет тапочки.

– Обойдусь, – отозвался Миша.

В шерстяных носках он прошёл в комнату, осторожно переступая через предметы на полу и озираясь по сторонам.

– Откуда они знают, что флешка у вас? – спросила Корнеева.

– Они предполагают, что она у меня, но, видимо, не уверены. Иначе не полезли бы в вашу квартиру, – ответил Курбатов. – Начали с меня. К вам полезли на всякий случай. Что же в этой флешке, если ради неё они сожгли дом и едва не убили меня?

– В таком случае, пока флешку не найдут, не успокоятся, – предположила Корнеева. – Не самая удачная мысль привезти нас сюда, как считаете?

Курбатов оставил без комментариев предположение Екатерины Сергеевны. Время покажет, что лучше, а что нет.

– Располагайтесь, – сказал он. – Я должен съездить за город. В моё отсутствие из квартиры не выходите.

– Если вы забрали нас к себе, чтобы охранять, то как вы это сделаете, оставив одних? Едем вместе.

Курбатов остановился в замешательстве. В словах Корнеевой был резон.

– О Мише не беспокойтесь. Он мальчик выносливый. Ныть не станет. И свежий воздух ему не повредит, – добавила Корнеева.

– Хорошо, – согласился Курбатов. – Возьму машину у бывшей жены. Здесь недалеко. Скоро вернусь.

Курбатов взглянул на наручные часы. Время за полдень, а он всё ещё в Москве. Максим не стал дожидаться лифта, сбежал по ступенькам. У подъезда он задрал голову на окна своей квартиры. Корнеева махнула ему на прощанье и опустила занавеску.

Вернувшись через полчаса, Максим открыл дверь своим ключом. Из комнаты не доносилось ни звука. Курбатов насторожился. С порога он увидел Екатерину Сергеевну и Мишу за шахматной доской. Она сидела на диване, он – на стуле, положив подбородок на ладонь. Щёки Корнеевой разругались. Она первая увидела Максима и улыбнулась – как показалось Максиму, не очень приветливо. Мысленно она всё ещё была во власти игры. Миша обернулся и почему-то смутился. Мальчик по-кошачьи мягко соскочил на пол. Екатерина Сергеевна встала и одёрнула юбку и кофту.

– Мы коротали время. Немного увлеклись. Миша очень азартный ребёнок, – пояснила няня.

– Серьёзные у вас игры! – подивился Максим.

Он немного разбирался в шахматах. Разыгрывалась «Испанская партия». «После такой ночи этим двоим энергии не занимать, – подумал Максим. – И нервы в порядке. Скорее всего, Миша недопонимает, свидетелем какой трагедии стал. Ребёнок. А няня? Она отвлекает мальчика играми от горьких воспоминаний».

Курбатов правил рулём кроссовера BMW X3 серого цвета, поглядывая в зеркало заднего вида. За его спиной Екатерина Сергеевна украдкой потёрла запястья. Максим вспомнил Вику и её рассказ о сломанном пальце. Миша сидел с закрытыми глазами у противоположной двери, отвернувшись к окну. Максим видел: мальчик не спит. Его ресницы время от времени подрагивали. Сцена походила на размолвку. Мальчик за что-то дулся на няню и не желал мириться.

– Павел говорил, что в их семье творится неладное. Вы не замечали ничего необычного? – обратился Курбатов к Корнеевой.

Екатерина Сергеевна подумала, прежде чем ответить.

– При мне всё было так же, как всегда, – ответила она.

– Как было всегда?

– Они старались не обсуждать семейные проблемы в моём присутствии. Мне кажется, Виктория Геннадьевна стеснялась меня.

– А Павел?

– Он был более открытым человеком, но грань не переступал. Грань между работодателем и прислугой. Он никогда не подчёркивал свой статус, но иногда в нём просыпался «барин». Вроде как «занимайся своим делом и не суйся в наши». Я так и поступала. Занималась ребёнком. Их частная жизнь меня не интересовала.

– Они часто брали вас с собой в поездки. Вы, так или иначе, участвовали в их жизни.

– Хозяева таскают с собой ручную собачку, но это не означает, что собачка участвует в их жизни.

Курбатов глянул в зеркало. Щёки женщины зарделись. Она бросила короткий взгляд на Максима. Ему показалось, Екатерина Сергеевна сожалеет о сказанном. Впервые за время их знакомства Корнеева позволила себе эмоциональный выхлоп с негативным душком. И видимо, решила не останавливаться.

– Вы были друзьями. Друзьям прощаются небольшие промахи и даже крупные ошибки. Им не прощают предательства. Возможно, какие-то перемены в настроении Павла Анатолевича происходили, но причина их мне неизвестна. Я не была ни другом, ни врагом семьи

Гомельских. Я была обслуживающим персоналом. Между нами всегда существовала дистанция. Поэтому ничего интересного я вам рассказать не могу.

Миша приоткрыл глаза и посмотрел на няню. Она замолчала и отвернулась к окну.

Курбатов взвешивал сказанное. Екатерина Сергеевна смотрела на вещи глубже, чем он предполагал. «Все недоразумения в отношениях людей происходят от недооценки тех, кто рядом», – подумал Максим. Откровенность Екатерины Сергеевны шевельнула в Курбатове воспоминание.

Раз в полгода Курбатов и Гомельский вырывались подальше за город на два-три дня посидеть с удочкой и забросить донки в озеро.

После двух дней лова пора было возвращаться в Москву. Обычно они тянули спички. Кому доставалась короткая, тот лез в воду.

Павел разбирал и складывал палатку.

– Чего стоишь? Полезай! – сказал он тоном, не терпящим пререканий.

Максим заломил спичку и сунул руки за спину.

– Тяни, – предложил он.

– Ты что, не слышал, что тебе сказано?! Лезь давай! – раздражённо ответил Гомельский.

Курбатов не опускал протянутой руки.

– Тяни, – повторил он.

Гомельский ударил приятеля по руке, но спички остались торчать в плотно стиснутых пальцах.

– Тяни! Ты не у себя в конторе...

Их глаза встретились. Ненависть и упрямство. Гомельский бросил палатку под ноги. Сделал шаг и встал против Максима со сжатыми кулаками. Рука Курбатова со спичками упёрлась ему в живот. Так они простояли некоторое время. Гомельский отступил в сторону, повернулся спиной и поднял с травы брошенную палатку. Курбатов выждал и резким движением выбросил спички в воду. Длинная упала на берег, рядом с вкопанной в глинозём рогаткой. Короткая бесшумно опустилась в слабую волну. По воде покатился и растаял едва заметный круг.

Внедорожник вёл Павел. Молчали.

– Прости. Не знаю, что на меня нашло, – сказал Гомельский.

Неожиданно он развернул машину прямо на дороге и погнал обратно к озеру. Разделся и нагишом полез в сентябрьскую воду за оставленными донками.

На их отношения случай у озера почти не повлиял. Почти. На рыбалку они стали ездить ещё реже, чем прежде.

– Как, по-вашему, могло получиться, что камеры видеонаблюдения не зафиксировали присутствия посторонних в квартире? – поинтересовался Курбатов.

– Я в технике не сильна. Быть может, произошёл сбой, – ответила Екатерина Сергеевна.

– Я не верю в совпадения. В день убийства камеры выходят из строя и снова включаются после совершения преступления.

– Тогда запись стёрли. Другого объяснения нет.

– Это могли сделать только осведомлённые люди. Второй вопрос: как они проникли в квартиру? Нет следов взлома. Замки не тронуты.

– Вы намекаете, что их впустил кто-то свой?

– Я ни на что не намекаю, а пытаюсь рассуждать вслух. Совершено убийство. Убийцы незаметно проникли в квартиру, искромсали тела своих жертв, перевернули всё вверх дном, бесследно исчезли, и никто не видел их и не слышал...

– Я видел, – тихо сказал Миша.

Курбатов от неожиданности притормозил. Он прижал машину к обочине и включил аварийные огни. Повернулся к мальчику, спросил:

- Что ты видел?! – Максим старался сохранять спокойствие, чтобы не спугнуть удачу.
- Всё.

В салоне автомобиля голос ребёнка звучал приглушённо. Екатерина Сергеевна и Курбатов наклонились к Мише. Мальчик некоторое время смотрел в пол, потом поднял глаза на Курбатова. Он заговорил медленно и внятно.

– Я стоял за дверью. Их было двое. В масках, как в американских фильмах про гангстеров. Чёрные куртки, чёрные шапочки. Сзади ударили маму Катю. Она упала и не двигалась. Закрыли маме рот рукой в перчатке. Приставили пистолет к её голове и повели в кабинет к папе. Потом вывели их в зал. Я хотел убежать и позвать на помощь. Но не успел, а потом было поздно. Я испугался и сел на пол. Папа увидел меня в щель между дверью и стеной и показал пальцем, чтобы я молчал. Его поставили на колени и сказали, что, если он станет кричать, они убьют маму. Мама плакала. Ей сказали: если она не замолчит, они убьют папу. Они спрашивали про папку. Папа ответил, что её в квартире нет, а где она, он им не скажет. Тогда они заклеили папе и маме рот скотчем. Руки и ноги тоже скрутили скотчем и стали бить. Папа мычал и извивался. Они посадили его на пол и освободили рот. Он сказал, что отдаст им всё, если они отпустят маму. А если не отпустят, то ничего не получают. Тогда один разрезал на маме платье, а потом ударил её ножом в живот. Папа сказал, что папка в сейфе, и назвал код. Один ушёл в кабинет. Папа головой ударил того, что остался, в живот. Дядька упал. Папа ударил его ногой два раза по голове и в горло. Дядька захрипел, а папа поднял нож, зажал его между колен, перерезал скотч и освободил руки. Он хотел помочь маме, но в комнату вошёл другой и напал на папу. Он был сильнее папы и сильно его побил. Папа не двигался. Мама стонала. Тот, что побил папу, поднял другого дядьку. Тот кашлял и ругался. Они говорили, что папки в сейфе нет, и стали бить маму. Я закрыл глаза и боялся кричать. Потом был шум. Потом стало тихо. Потом ко мне подошли. Я увидел дядю Максима...

В наступившей тишине Курбатов слышал, как колотится его сердце. Корнеева перебралась ближе к Мише и обхватила его голову руками. Мальчик тихо всхлипывал.

– Про папку Павел ни разу не обмолвился. Наверное, не успел, – задумчиво предположил вслух Курбатов. – Не понимаю, зачем такая жестокость?

В его голове не укладывалось, как Павел решился заплатить двумя жизнями за какую-то папку. Да ещё рисковать жизнью ребёнка. Преступники могли обнаружить мальчика и убить. Павел был адекватным человеком и в шкале ценностей человеческую жизнь ставил на самый верх. Он бы не допустил гибели родных ни за какие богатства мира. Что-то в этой истории не сходилось. Она не соответствовала сущности Павла, а потому казалась Курбатову неправдоподобной. Он вывел автомобиль на трассу и погнал в сторону Серпухова.

Мобильник соседа не отвечал. Максим не мог дозвониться до него с утра. На Михаила Михайловича это не походило. Человек обязательный, он бы непременно перезвонил.

В деревне, залитой солнечным светом, снег на верхушках сугробов и ветках деревьев играл золотыми искрами. Курбатов припарковался у колодца с двухскатной крышей и кривой ручкой в деревянном валике. Железное ведро, привязанное к цепи, стояло под крышей на обледевшей подставке. Снег вокруг колодца тщательно вычистили.

– Подождите меня здесь, – сказал Максим Корнеевой и захлопнул за собой дверь машины.

Калитка была не заперта. Алабай за металлической сеткой загона рвал цепь и надрывался густым лаем. Никто не вышел навстречу Курбатову.

- Туман, свои! – прикрикнул на собаку Максим.

Он ступил на крыльцо и окликнул хозяев. Ему не ответили.

В натопленной избе вещи в комнатах и кухонная утварь валялись на полу. Обеденный стол перевернут. «Стол вам чем помешал?..» Картина полностью повторяла виденное Курбатовым в собственной квартире и квартире Корнеевой. Он набрал номер Михаила. Из прихожей послышалось кукареканье петуха – так, будто птица кричала из-под подушки. Не выключая телефон, Максим пошёл на звук. Он ощупал вещи на вешалке и достал из кармана овчинного тулупа кукарекающую трубку. Дисплей высветил пропущенные звонки Курбатова.

Максим вышел во двор. Туман не унимался. Курбатов прошёл в глубь двора. Вдали, за забором, виднелись обгоревшие руины его дома. Рядом, из сарая, доносился стук и крики о помощи. Максим вынул из петель амбарный замок и отпер дверь. Перед ним стояла жена Михаила – Татьяна. В валенках и платке поверх тонкого свитера, она съёжилась и тряслась от холода.

– Мать твою! – прохрипела она и побежала в избу.

– Что стряслось? – спросил Курбатов уже в доме.

– Какая-то б... закрыла меня в сарае.

Татьяна славилась склонностью к ненормативной лексике. Она мастерски приправляла речь крепкими выражениями.

– А Михаил где?

– Так ты же его попросил подъехать в пожарную часть в Чехове. У тебя машина заглохла.

– Не звонил.

Татьяна собралась высказать по этому поводу мысль в свойственной ей манере, но осеклась при виде женщины и ребёнка на пороге.

– Мы замёрзли, – сообщила Екатерина Сергеевна.

– Это со мной, – пояснил Курбатов. Он представил женщин. Татьяна предложила раздеться и пригласила пройти.

– Уроды! Во что превратили дом!!! Наверное, всё поп... поворовали, – Татьяна покосилась на гостью.

Меньше чем за минуту она обежала все комнаты, исследуя все «тайники» в доме.

– Смотри. Деньги и барахло не взяли. Погреться заходили, – съязвила хозяйка.

– Расскажи, как дело было, – попросил Курбатов.

Не прекращая движение по кухне, Татьяна рассказала, как позвонил Курбатов или кто-то его голосом и вызвал Михаила. Михаил укатил на своём внедорожнике, сказал, что обернётся мигом, и калитку не запер. Велел сообразить на стол, потому что у человека горе и поэтому, наверное, нужно будет выпить.

– Я пошла в сарай. В сарае погреб. Пока доставала солёный арбуз, какая-то пад... – Татьяна покосилась на гостей, – какая-то нехорошая личность закрыла дверь, и я чуть не ох... – она снова посмотрела на гостей, – не околела от холода.

– Тебе он не звонил? – спросил Максим.

– Я свой телефон в доме оставила. Выбегала ж на минутку.

Татьяна ушла в соседнюю комнату и вышла с трубкой в руке.

– Так и есть, кто-то звонил, но номер не моего.

– Он свой телефон в тулупе забыл, – с досадой ответил Курбатов. – Дурдом на колёсах.

Максим набрал цифры с телефона Татьяны.

– Пожарная часть. Дежурный Ярик! – ответил голос.

– От вас час назад не звонил большой мужчина в енотовой шапке? – спросил Курбатов.

– Большой звонил.

– С ним можно поговорить?

– Проблематично. Его увезли на эвакуаторе.

– Милиция?

– Почему милиция? Просто увезли. Он вызвал, и за ним приехали.

– Куда увезли?

– Наверное, в автосервис. Ему хулиганы на машине все колёса порезали...

Курбатов поблагодарил и отключился.

– Пусть они побудут у тебя, – попросил он Татьяну за Екатерину Сергеевну и Мишу. – Найду Михальча. Я знаю, где он обычно ремонтируется.

Ехать никуда не пришлось. «Мицубиси» с кузовом остановился у ворот. В калитке показалась крупная фигура Михаила в распахнутой куртке на собачьем меху. На голове енотовая шапка.

– Развели, как лохов, – громко ругался Михаил после рассказа Татьяны о событиях дня. – Я тоже хорош, ломанулся к тебе. Голос твой – номер не твой. Нет чтобы перезвонить. Да кто ж думал. Всё на эмоциях!

Михаил разделся, сел за стол. Присутствие гостей его не стесняло. Он вёл себя и говорил как человек, привыкший иметь дело с незнакомыми людьми. Каждую неделю через его мастерскую в Серпухове по ремонту квадроциклов, снегоходов и мотоциклов проходили десятки посетителей.

– Много вынесли? – спросил он жену.

– Ничего не тронули.

Михаил почесал лоб.

– Чего ж им надо было?

– Флешку, – ответил Курбатов.

– Какую флешку? – удивился хозяин.

– Ту, что я просил сохранить.

– Ну так я её и сохранил. Сунул в карман, откуда взял.

– В шаровары?! Куда ты их бросил? – спросил Курбатов.

– Не бросил, а повесила за сараем, на верёвку, вместе с рубахой, футболкой и носками, – отозвалась Татьяна.

Она расставила чашки для чая и розетки для варенья. В центр стола поставила противень с пирогом со смородиной и взялась столовым ножом полосовать его на квадраты.

За сараем Максим снял с верёвки задубевшие на морозе шаровары. В избе выждал, пока материя оттаёт, и вынул из кармана флешку. Михаил Михайлович виновато посмотрел на Максима.

– Зато не нашли, – оправдывался он. – В сохранности...

– После стирки и мороза? – с сомнением покрутил флешку в руке Курбатов.

Екатерина Сергеевна отпила дымящийся чай из чашки. Взглянула на флешку с интересом.

– Из-за такой ерунды столько проблем, – сказала она.

Курбатов спрятал флешку во внутренний карман пиджака.

– Из-за ерунды людей не убивают, – ответил он.

– Кого убивают? – встрепенулся Михаил Михайлович.

Курбатов рассказал. За столом притихли. Хозяева переваривали новость.

– Выходит, и нас с Татьяной могли того... этого?.. – предположил хозяин.

– Ты кому-нибудь говорил о существовании флешки? – спросил Курбатов.

Его всё больше беспокоила и раздражала осведомлённость преступников.

– Кому тут рассказывать?! – Михаил Михайлович обвёл рукой кухню, подразумевая деревню.

– Вы ни с кем не говорили? – обратился Максим к Корнеевой.

– Н-нет, – пожала плечами женщина.

Мальчик прожевал пирог. Он покосился на Курбатова.

– В квартире, где убили маму с папой, ваш разговор, дядя Максим, про флешку, слышали несколько человек. Могли услышать и из других комнат, – сказал он.

Взрослые повернули к ребёнку удивлённые лица. Мальчик рассуждал и говорил как взрослый. Это выглядело тем более трогательно, что голова его едва возвышалась над столом и для того, чтобы его лицо увидели целиком, мальчику приходилось задира́ть подбородок. Татьяна погладила ребёнка по макушке. Миша слегка откатнулся. Похоже, проявления нежности не очень нравились ему.

– Кушай, тёзка, кушай, – подбодрил Михаил Михайлович ребёнка.

– «Кушай» говорили купцы в трактирах, – отозвался Миша, – а воспитанные люди говорят «ешь»...

Неожиданное замечание вызвало смех за столом. Громче всех хохотал хозяин.

– Откуда ты знаешь?! – весело спросил он.

– Мама Катя рассказывала.

Екатерина Сергеевна пояснила:

– У нас в школе историю преподавала очень пожилая дама. Говорили, будто бы она до революции в Смольном училась. Вот она нас одёргивала, когда мы «кушали», да «лОжили»...

– Вы в каком году школу закончили? – поинтересовался Курбатов.

– В девяносто четвёртом, прошлого века.

– Это сколько же ей должно было быть лет, пожилой даме? – поинтересовался Курбатов.

Он отхлебнул из кружки и коротко посмотрел на Корнееву.

– Хорошо под девяносто, – ответила она.

Курбатов заметил, как на лице Екатерины Сергеевны вспыхнула и погасла досада. Она потянулась за куском пирога. Они обменялись взглядом с мальчиком. Курбатов мог поклясться, что увидел в глазах ребёнка упрёк и злость. Но это было так мимолётно, что казалось, будто и не было ничего.

Курбатова подмывало ещё расспросить о жизни Екатерины Сергеевны. Но женщина перевела разговор на отвлечённые темы, а чуть позже вышла из-за стола вместе с ребёнком вслед за Татьяной.

– Кто они? – поинтересовался Михаил Михайлович.

– Миша – приёмный сын убитых родителей. А она его няня, – пояснил Курбатов.

– Какие-то они мутные.

– То есть?

– Напряжённые, что ли. Не пойму. Взгляд у малого какой-то недобрый. Не детский.

– Он из детского дома. Видимо, там несладко было.

– Ты у них вроде заступника?

– Гомельский был моим другом. Пока я несу ответственность за его сына. Хочу разобраться, за что убили Павла и его жену.

– Менты пусть ищут. Это тебе не водевиль раскручивать. Насчёт дамочки тоже того, – покрутил рукой хозяин.

– Чего того?

– Вижу, глаз на неё положил. Поаккуратнее. Похоже, дамочка себе на уме.

– Все мы себе на уме.

– У меня глаз острый. Говорит, ерунда, а сама так зыркнула на флешку, словно вырвать из рук хотела.

Курбатов оценил наблюдательность охотника и принял к сведению. Жизнь приучила его быть начеку. Даже близкие предадут. Ему не хотелось превращаться в догматика и зануду, но инстинкт самосохранения обострил его шестое чувство. А оно ему подсказывало, что сейчас у него не может быть друзей. Кто-то пытался убить его, и этот кто-то ходит рядом.

– Я сейчас, – сказал Курбатов.

Он прошёл в сени. Оттуда в окошко было видно, как из уборной во дворе вышла Корнеева. Мальчик поджидал её на расчищенной от снега тропинке и бросал снежки в забор. Туман лаял без устали. Мальчик поправил шапку и запустил снежком в собаку. Пёс встал на задние лапы, передними упёрся в сетку, беснуясь от ярости. Татьяна погрозила Мише пальцем. Тот усмехнулся и побежал навстречу няне.

– Может, заночуете у меня? – спросил Михаил Михайлович, когда Курбатов вернулся и сел на место. – Куда на ночь?

– Без нас тебе будет спокойнее, – ответил Курбатов.

Он предложил Корнеевой и Мише собираться.

– Миша, почему ты не рассказал полицейским о том, что видел в квартире? – поинтересовался Курбатов. Он выруливал от колодца на занесённую снегом дорогу.

– Меня не спрашивали, – ответил Миша.

– Ты запомнил какие-нибудь характерные детали в одежде, манере говорить или что-нибудь, что отличало бы их от других людей? – Максим решил разговаривать с мальчиком как со взрослым. Вне всякого сомнения, ребёнок развит не по годам и смышлён.

Миша некоторое время вспоминал, потом сказал:

– У того, которого бил папа, был очень хриплый голос.

«Преступников по меньшей мере четверо. Двое в квартире, двое на улице. Трое мужчин, одна женщина», – размышлял Курбатов.

– Ты раньше слышал их голоса?

– Нет.

– Как они ушли?

– Я не знаю. Мне было страшно, я зажмурился и закрыл уши.

– А вы, Екатерина Сергеевна, ничего не припоминаете? – обратился Курбатов к женщине. Лицо её выхватывал из темноты свет фонарных столбов, мелькающих за окном.

– Нет. Я выключилась сразу. Если бы я очнулась раньше, я бы дала отпор.

– Если бы вы очнулись раньше, они бы вас убили, как Гомельских, – сказал Максим.

Ничего. Ни свидетелей, ни портретов. Курбатов набрал Салтыкова.

– Юра, привет! Есть новости?

– Дело поручено мне. Эксперты работают над отпечатками. Пальчиков много, но в нашей базе они не числятся. На теле жертв обнаружены следы укусов. Им что-то впрыснули. Обоим в шею. Сзади. Химический анализ покажет, что именно. Их обездвжили, потом убили. У тебя что?

– Флешка у меня. Мальчик говорит, что убийцы искали папку.

– Папку? Макс, я оформлю тебя вне штата. Для пользы дела. Завтра съезди в офис к Гомельскому. Понюхай. Пощупай. Распроси, над чем они работали. Не мне тебя учить. Корнеева и ребёнок с тобой?

– Да.

– Береги их. Пока они единственные свидетели. Оправятся от шока – может, вспомнят что-нибудь полезное.

В голове Курбатова промелькнуло воспоминание, как «потерпевшие» играли в шахматы.

– У них крепкие нервы, – сказал Максим.

– Что?

– Так, ничего. К делу не относится.

– На связи.

Салтыков отключился.

Ближе к федеральной трассе дорога стала чище. Нож грейдера отодвинул снег к обочине длинной бороздой. Курбатов придавил акселератор. BMW взвыл и поехал быстрее.

Впереди мелькали аварийные огни. Курбатов притормозил. Легковой автомобиль красного цвета уткнулся носом в сугроб. Внедорожник с треснувшим бампером перегородил дорогу. объехать его не представлялось возможным. Встречные автомобили выстроились в небольшую колонну. Водителю внедорожника нужно было сдвинуться на полметра вперёд, чтобы освободить проезд, но он отказывался. Не хотел проблем с дорожной полицией. Двое спорили с ним. Но мужчина в болоньевой куртке с воротником из искусственного меха и с непокрытой головой отворачивался, не хотел слушать.

– Это надолго, – пробормотал Курбатов.

Он оглянулся, определяя место для манёвра. Сзади его припёрла машина с ярко включёнными фарами. Курбатов посигналил и включил заднюю скорость. Автомобиль не двинулся с места.

– Вот тупой! – ругнулся Максим.

Он посигналил снова. Безрезультатно. Не заглушая двигатель, Курбатов отстегнул ремень безопасности и вышел. Сделав несколько шагов, он наклонился и постучал в окно. Окно опустилось. Курбатов не успел додумать мысль, для чего водителю в такое время суток солнцезащитные очки, когда увидел направленный на него ствол пистолета.

– Садись в машину, – приказал человек за рулём.

Задняя дверь распахнулась. Курбатов оглянулся на свой BMW, прикидывая расстояние. Затем снова посмотрел на дуло и повиновался. В тёмном салоне лицо человека на заднем сиденье разглядеть не удалось. Максим прикинул: водитель, пассажир – двое.

– Флешку, – раздался сиплый голос, и человек протянул руку.

Отпираться не имело смысла. Курбатов оценил инсценировку с аварией на дороге. Быстро и слаженно сработали, не придерёшься. Складный спектакль. Интересно, кто режиссёр? Человек терпеливо держал руку протянутой, не сомневаясь, что получит требуемое. Курбатов со вздохом полез в боковой карман пиджака, но внезапно ухватил протянутую руку и заломил её до хруста. Человек вскрикнул от боли и неожиданности. Максим ухватил мужчину за шею свободной рукой и сильным рывком набросил на себя. Вместе они вывалились из автомобиля. Курбатов выкрутил чужую руку и, прикрываясь оружием от боли человеком, попятился к BMW. На ходу он что есть силы ударил ногой по двери внедорожника, откуда с пистолетом лез водитель. Удар пришёлся поперёк лица. Очки с хрустом треснули, мужчина ухватился за лицо.

Ударом по шее Курбатов свалил «пленного» на дорогу, запрыгнул в автомобиль и сдал назад. Послышался треск и хруст ломающегося пластика. Вывернув руль влево, Максим выжал газ. Он мысленно похвалил немецкий автопром. Приёмистая машина развернулась почти на месте и с рёвом рванула прочь.

Извилистая дорога вела в город. Курбатов посматривал в зеркало заднего вида. Участники «спектакля» оказались не готовы к такому развитию событий. Водитель в болоньевой куртке попытался развернуть свой автомобиль, но на узком пространстве ему теперь мешали те, кого он не пропускал. «Гражданин в очках», уже без очков, поднимал с дороги подельника. Огни пробки исчезли за поворотом.

– Что случилось?! – спросила Екатерина Сергеевна.

Самообладание вернулось к Курбатову. Сердце забило ровнее.

– Флешка, – коротко выдохнул он.

– Они её получили?

– Я вспомнил, что она мне тоже нужна. Мы не договорились. Вы огорчены?

– Я испугалась за вас, – ответила Корнеева.

– Приятная неожиданность.

– Не понимаю вашей иронии, – в голосе Екатерины Сергеевны прозвучала обида.

Курбатов оставил язвительный тон. Не время выяснять отношения. Если Корнеева замешана в этой истории, её лучше не упускать из виду. Держать поближе к себе. Слишком очевидна осведомлённость преступников. Они точно знали, что флешка у него. Или всё-таки действовали наудачу?

– Кому вы звонили из уборной? – спросил Курбатов.

– Почему вы решили, что я кому-то звонила из уборной?

– Дайте, пожалуйста, ваш телефон, – попросил Курбатов.

Он почувствовал прикосновение руки к своему плечу. Корнеева молча протянула трубку. Курбатов пролистал список входящих и исходящих звонков. Последний звонок датировался вчерашним числом. Максим почувствовал, что краснеет. Он вернул телефон.

– Вы думаете, это я навела на вас бандитов?

– Извините. Нервы.

– Я понимаю...

В Чехове на привокзальной площади они вышли из автомобиля. Рядом возвышался круглый купол автовокзала. Чуть в стороне – серое здание железнодорожной станции. На обложенной сугробами стоянке такси дежурили четыре жёлтых автомобиля с шашечками на крыше. «Кроссовер оставляю здесь, потом заберу», – решил Максим.

– За мной, – скомандовал он и сунул в рот жвачку.

Втроём они вошли в здание вокзала. Расписание на стене. Электричка через десять минут. В толпе к ним вряд ли привяжутся. В поезде транспортная полиция. Преступники не осмелятся рисковать.

Курбатов купил в кассе три билета. Два взрослых, один детский. На пути к выходу из зала ожидания он присел на пассажирское кресло перевязать шнурок у ботинка. Екатерина Сергеевна вела Мишу за руку. Мальчик насупился. Путешествие утомило его. Но он не жаловался и не хныкал.

На заснеженном перроне топталось несколько десятков человек. Электричка из Серпухова подошла без опоздания. В вагоне было немногочисленно и тепло. Пока дверь с шипением не захлопнулась и поезд не тронулся, Курбатов смотрел в окно. Ничего подозрительного. Поезд набрал ход. Корнеева с Мишей сели напротив Курбатова. Мальчик – у окна.

– Что вы думаете делать? – спросила Екатерина Сергеевна.

– Для начала добраться до Москвы.

– Потом?

– Потом выяснить, что на флешке. Слишком большой интерес она вызывает у посторонних.

– Что будет с нами? Я имею в виду нас с Мишей.

Хороший вопрос. Если отстраниться от расследования убийства Гомельских и поразмышлять над судьбой няни и её питомца, то картина вырисовывается не очень радужная. Мальчик вернётся в детский дом и будет там жить, пока не обретёт новых родителей. Если повезёт. Корнееву наймут другие люди. С её рекомендательными письмами долго без работы она не останется.

«Кстати, о письмах, – размышлял Курбатов. – Кто их видел и кто читал? Павел. Он навёл справки».

– Я могу усыновить Мишу? – спросила Корнеева.

– Наверное, да, – отозвался Максим.

Вопрос его не удивил. Он даже показался закономерным. Учитывая отношения няни и её подопечного. Но удивил мальчик.

– Если я этого захочу.

Курбатов уставился на ребёнка, который смотрел на взрослых не по-детски серьёзными серыми глазами.

– Вы обсуждаете меня так, будто меня рядом нет. А я вот он. Сажу и слушаю. Моё мнение тоже имеет значение. Понятно?

Курбатов кивнул.

– Ты обиделся? – наклонилась к мальчику Екатерина Сергеевна. – Прости.

– Взрослые не понимают детей, потому что считают их детьми. На самом деле дети всё воспринимают как взрослые, но воспринимают правильно и честно. А взрослые постоянно врут и себе, и другим, и от этого у них в головах путаница. И чем больше они хотят распутать всё, что запутали, тем сильнее путаются и говорят: жизнь – сложная штука. Дети плачут, когда им горько, и смеются, когда смешно. Они не кривляются. За это взрослые считают их милыми. А кто им мешает не кривляться и говорить то, что есть, а не то, что необходимо? Мама и мама Катя не могли поделить меня и меня же мучили. Я мог любить двоих, а меня заставляли любить одну. Хотя можно было просто жить дружно, радоваться тому, что есть. Без семьи плохо. Но если в другой семье меня начнут снова делить, лучше остаться одному. Взрослые не замечают, как мучают детей, когда стараются распутать клубки в своих отношениях.

Курбатов восхищённо посмотрел на Мишу. Его всегда интересовало, о чём думают дети. Он подозревал, что их внутренний мир гораздо глубже, чем его представляют взрослые. Максим и сам оставался ребёнком, но тщательно скрывал это от окружающих. Потому что так надо. Неприлично в тридцать восемь лет ползать по траве, играя в разведчика. Его не тянуло представлять оловянных солдатиков, но иногда пальнуть камнем из рогатки в консервную банку или поиграть в ножечки он был не прочь. Его собственные дети любили с ним возиться на полу в доме. Он не уступал им в азарте и желании победить. Они ему верили и считали своим. Но ни сын, ни дочь не высказывали своих мыслей так, как это сделал Миша. Наверное, они ещё не научились их точно формулировать.

– Больше тебя никто не будет делить, – почти шёпотом проговорила Корнеева. Её слова прозвучали двусмысленно в свете последних событий.

Миша посмотрел на неё с иронией и отвернулся к окну. Курбатов разглядывал ребёнка, стараясь разгадать, что у того в голове. Насколько сильно он переживает смерть приёмных родителей и переживает ли вообще. Он не плакал, не хныкал, не жаловался. Если бы Миша был взрослым, о нём бы сказали: хорошо держится. Но он был ребёнком. Курбатов снова и снова объяснял выдержку мальчика его непониманием определения слова «смерть».

Но Миша снова удивил:

– Однажды, в детском доме, я слышал, как воспитательница объясняла маленькой Лене, что её родители умерли и ей придётся пожить в детском доме с остальными детьми. Девочка не понимала, что это такое – умерли. Она продолжала спрашивать, когда за ней придут мама и папа. Воспитательница выбилась из сил, но не могла объяснить, почему мама и папа не придут за Леной. Она совала Лене куклу, сажала на коленки и пыталась читать книжку, но Лена продолжала плакать и звать маму. Она плакала неделю. Потом другую. Она не жалела родителей. Она считала, что они её бросили. Со временем Лена стала плакать меньше, но не перестала ждать маму и папу. Ей никто не смог объяснить, что её родителей уже не будет никогда. Моих родителей тоже уже не будет. Ни один человек в мире не сможет объяснить, почему родители умирают навсегда. Совсем.

Сердце Курбатова сжалось. Он сглотнул горький ком. Максим вспомнил свои ощущения, когда хоронил мать, потом отца. Вокруг стояли люди. Говорили слова. Но он оставался один. Один со своим горем, мыслями, тягучей неутраченной болью.

Миша остался один на один со смертью тех, кого успел полюбить. Его никто не утешал. Он жил сам со своим горем. Маленькое сердечко страдало. Он понимал безысходность, тупик значения слова «смерть». Но рассказать, как ему плохо, Миша никому не мог. Он жил в дет-

ском доме, один в целом мире. Только двое взрослых – няня и он, Максим, – могли бы разделить его тоску. Они знают, в отличие от миллиардов, живущих на земле, о существовании Миши. Но они считают его маленьким и глупым, неспособным чувствовать как взрослые.

Курбатов протянул Мише руку и улыбнулся.

– Ты не один. Держись, – сказал он.

Мальчик вложил свою ручку в ладонь Максима. Курбатов ощутил довольно крепкое пожатие. Он едва не потянулся обнять мальчика, так ему стало жалко его, но сдержался. Екатерина Сергеевна сделала это за него. Миша недовольно повёл плечами. Он не хотел, чтобы его жалели.

Поезд замедлил ход. Подъезжали к Подольску, когда в конце вагона в раздвижную дверь вошли двое. Они не смотрели в сторону Курбатова, но он почувствовал опасность. Мужчины сели у выхода. Ничем не примечательные работяги средних лет молчали и смотрели в окно. Курбатов оглянулся. Сзади у выхода две старухи с сумками и тележками громко разговаривали про то, чем они кормят кошек. В холодном тамбуре в пику постановлениям Госдумы курил мужчина в дублёнке с поднятым воротником. Он хищно ухмылялся, прикладываясь к банке пива, поглядывал в салон с вызовом и, похоже, ждал, что ему сделают замечание, чтобы затеять ссору. Но граждане не связывались. Им не было дела ни до мужика, ни до Думы, ни до её законотворчества.

– Что случилось? – встревожилась Екатерина Сергеевна.

Она оглянулась.

– Не суетитесь и не показывайте, что их заметили. Они выждут удобного случая. Им нужен я.

– Наши действия?

– До Курка в вагоне почти никого не останется. Они воспользуются этим. Выйдем в Царицыно. Там в толпе нас не тронут.

Курбатов набрал Салтыкова.

– Юра, у нас обстоятельства. Мы в электричке, подъезжаем к Москве. Пришли в Царицыно пару ребят. Пусть прикроют. Четвёртый вагон с головы поезда.

Миша жестом попросил няню наклониться и что-то ей шепнул.

– Миша хочет в туалет, – сообщила Корнеева.

– Потерпеть никак? – осведомился Максим.

Мальчик мотнул головой.

Втроем они двинулись в хвост поезда. Екатерина Сергеевна открывала двери, Курбатов их захлопывал. Миша шагал посередине. В переходах между вагонами Максим придерживал ребёнка за воротник, чтобы тот не поскользнулся. Вагоны болтали на скорости. Двое следовали за ними. Они приближались.

Впереди женщины-контролёры в красных долгополых пуховиках проверяли билеты. «Зайцы» длинной вереницей двинулись по вагону прочь от них. Курбатову и его команде пришлось задержаться в тамбуре, пропуская «зайцев». Преследователи пропускать не стали. Они грубо оттолкнули парня с девушкой и остановились рядом.

– Чего вам?! – Курбатов встал боком, как на боксёрском ринге в молодости.

– Ничего, – ответил один.

Они проследовали в салон. Курбатов не сводил с них глаз. Напряжение отпускало. Паникёр. Мужики идут по своим делам... Додумать он не успел. Сильный удар по затылку «выключил свет».

Очнулся Максим лёжа на сиденье в вагоне в окружении двух полицейских, двух контролёров и одного охранника в сером камуфляже.

– Смотри, как безбилетника отделали, – сострил прохожий парень, кивая на них товарищу.

Оба хохотнули и остановились посмотреть.

– Давай проваливай, не до вас теперь, – погнал их рослый полицейский в погонах рядового.

– Где женщина и ребёнок? – спохватился Курбатов.

– Никого не было, – ответила контролёр. – Вы в тамбуре один лежали. Думали, пьяный.

Что с вами стряслось?

– Не знаю.

Курбатов сел и потёр ушибленное место. Крови на руке не наблюдалось, но чувствовалась огромная шишка. «Мешком с песком, что ли, огрели», – подумал он и поморщился.

– Идти сможете? – поинтересовалась контролёра. Чёрная сумочка на длинной тонкой ляжке болталась через плечо. – А то нам выходить...

– Где мы? – Курбатов глянул в окно.

– К Люблино подъезжаем, – ответила контролёр.

– Попробую.

Курбатов осторожно встал. Голова кружилась, и подташнивало.

– Вам, наверное, скорую надо, – проявила участие всё та же контролёр.

– Спасибо, обойдусь, – ответил Курбатов. – Дальше я сам.

– Деньги, документы на месте? – спросил сержант.

Курбатов ощупал карманы.

– На месте.

Его оставили одного. В кармане надрылся мобильный.

– Ты где? – раздался голос Салтыкова.

– В электричке.

– Мои тебя обыскались. Почему не вышел, как договаривались?

– Меня вырубили. Женщина и ребёнок исчезли.

– Флешку, естественно, забрали.

– Нет, я забыл их предупредить, что оставил её в Чехове.

– Где тебя подбирать?

– На привокзальной площади у Курка.

«Рено» остановился перед Курбатовым. Максим сел рядом с Салтыковым. Тот окинул его критическим взглядом.

– Как говорится, краше в гроб кладут, – сказал он. – Куда тебя?

– В Чехов флешку забирать.

Салтыков взглянул на наручные часы. Потом на Максима. Серое, измождённое лицо. Таким оставлять его одного нельзя. Пора было взглянуть, что за ценности на той злополучной флешке.

– Перекусим где-нибудь на заправке, – сказал Салтыков и тронулся с места.

По третьему кольцу они съехали на Варшавское шоссе.

– Думаешь, это похищение или побег? – спросил Салтыков.

– Скоро узнаем.

– Всё-таки дамочка замешана в убийстве и во всём, что с ним связано. Слишком гладко у них получается, – продолжил разговор Салтыков.

Курбатову было неприятно признавать правоту Салтыкова. Иначе преступники не могли войти и выйти из квартиры невидимыми для камер наблюдения. И как объяснить, что они всегда оказываются рядом?

– Почему? – спросил Максим.

Теперь этот вопрос мучил его постоянно.

– Деньги? Они ничего не взяли в квартире Гомельских. А может, всё-таки взяли?

– Даже если и так. Слишком жестоко и грубо сработано. Овчинка выделки не стоит. Павел никогда не держал крупных сумм при себе. Нет, здесь другое. Женщины ревновали ребёнка друг к другу.

– Убийство на почве слепой любви и ревности? Это уже смахивает на шизофрению в последней стадии. В состоянии аффекта не нанимают сообщников, а действуют спонтанно. На лицо предумышленное убийство, совершённое группой лиц.

– Я уже говорил, что в последнее время Павел сильно изменился. Нервничал, раздражался. Если бы это происходило только с ним, можно было бы предположить, что у него неприятности в бизнесе. Но Вика тоже изменилась. А он её в производственные дела не посвящал.

– Может быть, всё-таки что-то связанное с нанотехнологиями? Какие-нибудь новые разработки. Его шантажировали, угрожали? – спросил Салтыков.

– Мне он ничего об этом не рассказывал, – ответил Курбатов. – Что по отпечаткам? – Максим повернул лицо и поморщился от боли.

– Глухо, как в танке. Будто призраки.

– Ага, – Курбатов потёр затылок. – Призраки бестелесны, а эти головы отрезают и дома с машинами жгут.

Послышался звонок мобильного. Курбатов достал трубу из кармана пальто и включил на громкую связь.

– Твоя женщина у нас, и мальчик тоже. Если хочешь их получить назад – отдай то, что нам нужно, – сказал мужской голос.

– А если мне наплевать на то, что вы с ними сделаете, тогда как?

– Тогда им отрежут башки, и их смерть останется на твоей совести.

– Дай трубу женщине, – сказал Курбатов.

– Максим, они нас убьют! – послышался голос Корнеевой. Она говорила с надрывом. –

Отдайте им то, что они просят...

– Миша с вами?

– Да.

В трубке снова послышался мужской голос:

– Даю две минуты. Думай.

Телефон отключился.

– Классика жанра, – вздохнул Салтыков. – Похищение, шантаж, требования... Судя по размаху и организованности, ребята серьёзные.

– Считаешь, не блефуют?

– Если нет и мы ошибаемся? И твоя Екатерина Сергеевна жертва, а не соучастница? Если бандюги их действительно порежут? Придётся отдать.

Телефон снова зазвонил.

– Решил? – раздался тот же мужской голос.

– Где и когда?

– Чтобы у тебя не возникло искушения перекачать информацию, жди нас на выезде за МКАДом на Симферопольском шоссе близ железнодорожного моста. Прокатимся вместе. Отдашь флешку – получишь женщину и ребёнка.

Курбатов убрал трубку в карман.

– Они ведут нас! – воскликнул он.

Салтыков притормозил. Он ощупал полы пальто и пиджака Курбатова. Отвернув воротник пиджака, он отстегнул и показал устройство в виде кнопки.

– Маячок, – объявил Салтыков. Потом под лацканом того же пиджака отдёргнул руку от лёгкого укола в палец и извлёк микрофон величиной со спичечную головку. – А вот и источ-

ник информации. Кол с минусом вам, уважаемый, за конспирацию. Понятно, черепно-мозговая травма. Соображалка сломалась... Отсюда такая осведомлённость.

– Интересно, когда они успели? – Курбатов пропустил сарказм Салтыкова. Он досадовал на себя.

– Когда угодно! В квартире Гомельских...

– Исключено. С тех пор я переоделся.

– Когда принимал душ...

– Маловероятно. Они же не знали, какой костюм я надену. У меня их несколько.

– Тогда в электричке, пока ты отдыхал в тамбуре на полу.

– Следовательно, до того момента кто-то их предупреждал о моих планах.

– Или за тобой установили круглосуточное наблюдение, – заключил Салтыков.

Микрофон полетел в окно вслед за маячком. Автомобиль медленно разогнался.

– Твои ребята далеко? – спросил Курбатов.

– Не успеют. Да и что толку? Ну повяжем мы разбойников. Их подельники убьют пленных. Даже если на флешке содержатся адреса и явки всех мафиози мира и их с помощью этой информации переловят всех до одного, это всё равно не стоит жизни женщины и ребёнка. На место этим мафиози придут другие, а жизнью не вернуть.

– Под личиной «ретивого сапога» скрывался философ с большим сердцем, – ответил Курбатов.

Он лучше других сослуживцев Салтыкова знал, как обманчива его внешность. Юрий Алексеевич бодро рапортовал начальству о проделанной работе. Строго придерживался субординации. Высказывался только по существу дела. Прятал эмоции и не комментировал распоряжения руководства. Он никогда не выходил за рамки служебных отношений. Его считали недалёким служакой. Но Курбатов знал совсем другого подполковника Салтыкова.

Пять лет назад, когда Курбатов ещё служил в органах, на квартире, где было совершено убийство, преступник открыл стрельбу. Он прятался в шкафу. О его существовании никто не подозревал. У парня сдали нервы. Створки распахнулись. Салтыков среагировал быстрее всех. Он заслонил Курбатова, понимая, что ничего больше сделать не успеет. Два выстрела прошли мимо. Третий пришёлся в бандита. Человек вывалился из шкафа. Салтыков спрятал табельный макаров в кобуру под мышкой.

– Не повезло, – сказал он тогда, вынимая у преступника зажатый в руке пистолет.

– Ему нет, нам – да, – ответил Курбатов.

В тот день Максим протавлялся. Вдвоём они крепко выпили. Подробности происшествия остались между ними. В рапорте сухо написали: «...ответным огнём на поражение подозреваемый был обезврежен...»

Курбатов набрал Михаила Михайловича.

– Михалыч, выручай! – заговорил он в трубку.

– Слушаю, – с готовностью отозвался тот.

– Я говорю, ты не перебивай. Хватай Женька, соседа своего, и быстренько гони на железнодорожную станцию в Чехов. Там во втором ряду под первым сиденьем лицом к двери жвачкой приклеена флешка. Пусть Женёк возьмёт свой ноутбук и по-быстрому перекачает информацию. Потом флешку – на место, и бегом с вокзала.

– Шпионов ловим?

– Михалыч, голубчик, не время шутить...

Максим пояснил Салтыкову, кто такой Женёк. Деревенский парень. Окончил Бауманский институт. Специализировался по защите информации. Четыре года отучился на бюджете. За два последующих нужно было платить. Платить нечем. Ушёл. Сидит без работы. Целыми

днями в компьютере. Голова светлая. Кому они нужны, светлые головы? Всем подавай «спецов» с опытом работы.

Салтыков встал за железнодорожным мостом и включил аварийные огни.

– Потянем время. Чтобы Женёк успел, – сказал он.

Уже знакомый Курбатову внедорожник остановился сзади и мигнул фарами. Следом за ним на небольшом отдалении встал «Ниссан». Максим выбрался из Renault. Направился к внедорожнику. С пассажирского места ему навстречу вышел человек очень невысокого роста в надвинутой на глаза кепке. Поднятый меховой воротник кожаной куртки и шерстяной шарф скрывали нижнюю часть лица.

– Курбатов Максим Константинович? – спросил человек.

– Он самый. Кто вы?

– Неважно. Расклад такой: мы следуем за вами. Никаких ненужных манёвров. Спокойно прибываем на место. Тихенько отдаёте нам флешку. Мы возвращаем женщину и ребёнка. И тихенько расходимся, как в море корабли.

– Где гарантия, что вы их тихенько не убьёте?

– Нам не нужны лишние жертвы.

– И лишние свидетели тоже.

– У вас есть альтернатива?

– Нет. Но пока я их не увижу, вы ничего не получите.

Человек повернулся и сделал знак рукой. Из «Ниссана» двое вывели Екатерину Сергеевну и мальчика с надетыми на головы мешками. Курбатов сделал шаг навстречу. Коротышка ухватил его за рукав.

– Всеми своё время, – сказал он.

Пленников снова запихали в автомобиль. Мальчик не кричал и не звал на помощь.

– Удовлетворены? – спросил человек. И когда Курбатов угрюмо кивнул, закончил: – Вот и славненько.

Раздался скрипучий звук. Переговорщики обернулись. Салтыков поднял капот, закрепил на подставке и наклонился.

– Скажите своему другу, чтобы не валял дурака, – нетерпеливо потребовал коротышка. – И так вынудили нас таскаться за вами по всему Подмосковью. Флешку вы всё равно отдадите. Так давайте скорее покончим с этим делом.

– Убивать людей, поджигать дом и машину было обязательно? – поинтересовался Курбатов.

Его раздражала самоуверенность человека и собственная беспомощность.

– Не понимаю, о чём вы говорите, – отрезал тот. – Лучше пойдите и помогите своему другу.

Курбатов повернулся спиной. «Михалыч мужик надёжный. Не подведёт. Наверное, уже подъезжает к вокзалу», – размышлял Максим.

Салтыков поднял голову.

– Что там? – кивнул он в сторону внедорожника.

– Долго стоять нам не позволят.

– Само собой. Скажи им, сейчас поедем.

Курбатов снова направился к внедорожнику. Махнул рукой. Коротышка вышел.

– Ну что ещё?! – нетерпеливо воскликнул он.

– Через минуту поедем, – спокойно ответил Максим.

Он полез в машину и некоторое время ждал, когда Салтыков захлопнет капот.

– Я вызвал Сомова с ребятами. Они уже на пути в Чехов. К вокзалу подтянутся местные. Оцепим здание. Упускать этих уродов нельзя.

– Они убьют Корнееву и мальчика.

– Брать до поры не будем. Сядем на хвост. Когда отпустят женщину и ребёнка – повяжем.
– Дай бог нашему теляти да волка поймати, – тяжело выдохнул Курбатов.

Идея Салтыкова ему не нравилась, но упускать бандитов было жаль.

Они съехали с федеральной трассы у поворота на Чехов, когда позвонил Женёк.

– Максим Константинович, – быстро заговорил парень, – флешка сильно повреждена.

Читаются отдельные фрагменты. Её можно попробовать восстановить. Но на это уйдёт время.

– У нас его нет.

– Тогда не знаю...

– Придумай что-нибудь.

Курбатов посматривал назад. У въезда в город «Ниссан» перестроился на светофоре и ушёл вправо на объездную дорогу.

– Тормози! – скомандовал Курбатов.

Салтыков остановился за автобусной остановкой.

– Куда их повезли? – Курбатов налетел на коротышку, когда тот вышел из машины.

– Не нужно так нервничать! – отступил тот. – Они подождут вас в сторонке от посторонних глаз. Вы же не думаете, что мы всей гурьбой закатимся прямо в руки к омонцам. Вы получите их, как только мы окажемся на безопасном расстоянии друг от друга. Мирно разойдёмся. Женщина позвонит и сообщит, откуда вы её заберёте. Поверьте, она и ребёнок нам не нужны.

Курбатов скрепя сердце вернулся в машину. Угрюмый Салтыков снялся с места. Сомов, майор из убойного отдела, сообщил по телефону, что он с группой на месте. Ждёт распоряжений.

– Рассредоточьтесь, себя не обнаруживайте. Предположительно два объекта. Выйдут из здания вокзала. Брать только по команде, когда заложники окажутся в безопасности, – распорядился Салтыков.

Юрий Алексеевич припарковал автомобиль на привокзальной площади напротив торговых рядов. Чуть поодаль, припорошённая снежком, стояла машина Курбатова. Следов попыток взлома не наблюдалось.

Они поравнялись с бутиком, где над входом на вывеске значилось «Комиссионный магазин». Внутри помещения, заставленного подержанной техникой, крутились люди Сомова. В тесноте, между узкими рядами с товаром, они вдвоём разглядывали плазменный телевизор. Один чиркнул взглядом по лицам Курбатова и Салтыкова и присел на корточки, продолжая жать на кнопки пульта и разговаривать с продавцом.

Коротышка шагал сзади на некотором отдалении. Внедорожник, из которого он вышел, сдал назад, развернулся и покатил с территории площади. Он исчез из поля зрения Курбатова и Салтыкова.

– Не нравятся мне эти манёвры, – пробормотал Салтыков.

В зале маялись ожиданием поезда несколько человек. Сомов, в болоньевой куртке и спортивной шапочке, разглядывал расписание поездов на стене. Ещё несколько человек дремало в железных креслах, насмерть приваренных к железным перекладинам, чтобы не оторвали.

Огромная белая дворняга с мордой терьера свернулась у ног гражданина в потёртых джинсах и потёртой вельветовой куртке. Гражданин вжал голову в плечи и сидел на месте, под днище которого Курбатов прилепил жвачкой флешку. Максим наклонился и сунул руку под кресло. Собака подняла голову и уши. Её ворчание разбудило мужчину. С пьяным недоумением он посмотрел на человека, что наклонился к нему.

– Скинемся?! – оживился «потёртый».

– Спи, спи, – успокоил его Курбатов.

Он нащупал гладкий корпус флешки и оторвал её от жвачки.

– Гомосеки проклятые! – обозлился гражданин. Глаза его блестели благородным гневом. – Всё заполонили!

Коротышка, получив флешку, спрятал её во внутренний карман куртки, набрал номер на мобильном телефоне и протянул его Курбатову.

– Кто это? – послышался испуганный голос Екатерины Сергеевны.

– Это я, – отозвался Курбатов. – Скоро всё закончится. Мальчик с вами?

– Да, да! Максим, умоляю, заберите нас отсюда!

– Где вы?!

Коротышка забрал у Курбатова трубку:

– Не всё сразу. Дело не окончено.

Затем приложил телефон к уху и сказал:

– Если через полчаса не появлюсь, убей их.

Он отключил аппарат и отдал его Курбатову.

– Вам перезвонят. Скажут, где вы можете забрать женщину и мальчика. Провожать меня не обязательно...

Он бодро развернулся. Ботинки на «манке» мягко ступали по затоптанным плиткам кафеля. Толкнув массивную деревянную дверь, коротышка прошмыгнул на улицу.

Сомов и ещё один выскочили вслед за ним.

– Как думаешь, они их убьют? – спросил Курбатов.

Вместо ответа Салтыков предупредил в мобильник, чтобы не упустили объект.

– Времени на подготовку не оставили, – пожаловался Салтыков Курбатову. – Каждый ход просчитали. Прямо цейтнот.

Курбатов вспомнил Корнееву и Мишу в своей квартире и их «Испанскую партию» на шахматной доске. Под ложечкой неприятно засосало.

– Сдаётся мне, что никто не позвонит, – сказал он.

Салтыков вопросительно посмотрел на него. Насчёт заложников и их безопасности у него имелись свои соображения. Подполковник из собственного опыта знал, что живыми их оставляют редко. Курбатов имел в виду не то, что предполагал Салтыков.

Они уселись в «Рено» Салтыкова. Время ползло невыносимо медленно. Подполковник держал телефон в руке в тревожном ожидании. Как только сработал вызов, он приложил трубку к уху.

– Юра, подходи к торговому центру. У нас труп, – послышался голос Сомова.

По скоплению людей в глубине супермаркета Салтыков и Курбатов определили, куда идти. Коротышка сидел, прислонившись к полкам с моющими средствами, поджав ноги под себя. Голова запрокинута назад. В полузакрытых глазах отражался свет неоновой лампы под потолком. Рот открыт. На лице удивление. Пулевое отверстие в области сердца окрашивало кровь. На вид ему было около сорока лет. Зубы в хорошем состоянии, почти белые и ровные. Тёмно-русые волосы густыми прядями лежали на плечах. Немного седины на висках.

– При нём ничего не обнаружено. Ни документов. Ни флешки. Видимо, скинул её кому-то в магазине, – сообщил Сомов. Он потёр свой большой нос с горбинкой и виновато посмотрел на Салтыкова. – Внедорожник нашли брошенным во дворах. Пробивают, кому принадлежит.

– Если этот, – Курбатов кивнул на покойника, – не объявится через... – он посмотрел на наручные часы, – теперь уже через десять минут – они их убьют.

– Похоже на то, что он не объявится, – мрачно констатировал Салтыков, глядя на коротышку.

– Поехали! – Курбатов почти побежал к выходу.

Он хорошо знал прилегающие к Чехову дороги и лесные массивы. Оставалось надеяться на удачу.

– Куда?

– Прокатимся по той дороге, которой они их повезли, в сторону деревни Репниково.

Курбатов вывел BMW из города. Следом за ним едва поспевал Салтыков на «Рено». Время вышло. Мобильник молчал. Максим стиснул зубы и смотрел по сторонам.

Некогда пахотные угодья усыпало одноэтажными домиками и двух-, трёхэтажными домищами с каменными трубами для каминов. На колхозных полях, где десятилетиями сеяли ячмень и пшеницу, теперь выросли магазины строительных товаров и «пятёрочки». Лес вырубали. Что-то оставили, но это что-то нагнетало тоску. Иногда заблудившаяся лиса выбегала на дорогу. Испуганная светом фар, она убегала назад, к тому, что осталось от леса. Курбатов вспомнил, как однажды увидел тетеревов. Они приземлились на заснеженной полянке небольшой стайкой. Максим никогда не видел их так близко, на расстоянии десяти – пятнадцати метров в «дикой природе». Рядом с деревянными заборами и деревянными домиками появление лесных птиц вызвало у Курбатова восторг, удивление и грусть. И зверю, и птице податься было некуда. Отовсюду его вытеснил человек.

Впереди, чуть левее дороги, за подъёмом, поднимались клубы чёрного дыма. Не из печной трубы. «Так дрова не горят», – сказал себе Максим. Ближе к месту пожара у обочины стояли машины. Из автомобилей выходили люди посмотреть на пылающий белый «Ниссан». Иные держали в руках бесполезные теперь огнетушители. Женщина в норковом полушубке металась между мужчинами и истерично кричала: «Сделайте что-нибудь, там же люди. Что вы стоите?!» Вдали визжала сирена пожарного экипажа.

Курбатов выбежал на дорогу. Крепкие руки Салтыкова ухватили его за воротник пальто сзади. Курбатов рвался и хрипел. Он сам себя не слышал. Жар пламени обжигал лицо. В его красно-оранжевом чреве в пылающем салоне виднелись два тела. Тело поменьше горело в объятиях большого.

– Я слышала, как они страшно кричали! – причитала женщина. – Потом автомобиль взорвался. Мы с мужем не могли им помочь!

Женщину увели. Она билась в истерике.

Курбатов опустил голову. Хотелось выть страшным голосом от отчаянья, ужаса, бессилия. Он клял себя за то, что оставил, бросил, убил беззащитных людей.

– Сожгли живьём, – пробормотал Курбатов. – Живьём.

Страшными глазами Максим смотрел на пожарную машину и пену из шланга. Пожарный в каске и спецодежде заливал пеной выгоревший автомобиль.

Дорогу оцепили. Транспорт ДПС мигал проблесковыми огнями. Сомов вернулся с места пожара.

– Они приковали их наручниками. Женщину – к двери, мальчика – к женщине. Она пыталась укрыть ребёнка собой, – Сомов отвернулся, перевёл дух. – Я в Чечне воевал. Такого не видел...

Курбатов не мог сдвинуться с места. Он смотрел и смотрел на сгоревший автомобиль. «Женщина и ребёнок нам не нужны», – вспомнил он слова коротышки. Салтыков взял Максима за плечо.

– Пойдём. От них почти ничего не осталось.

– Подожди.

Максим сглотнул горький ком. Он подошёл к сгоревшему остову машины, утопая в пене по щиколотки. Салон перестал дымиться. На том, что осталось от заднего сиденья, на его железном каркасе, из пены торчал обуглившийся бугорок. Курбатов различил почерневшие черепа. Запах гари и сгоревшей человеческой плоти. Курбатов пересилил тошноту.

– Ты им уже не поможешь, – окликнул его Салтыков. – Пусть поработают эксперты...

Они отошли от сгоревшей машины.

– Ты как? – Салтыков изучал лицо Курбатова.

– Погано, – отозвался тот.

Ему очень хотелось выпить. К чёрту табу!

– Что мы имеем?

– Пять трупов, если не считать консержку. Ни одного свидетеля. Убитую флешку. Не факт, что она нам поможет.

– Поживём – увидим, – ответил Салтыков. – Что-то я совсем расклеился. Наверное, старею.

– После сорока все так говорят – жёнам. А потом едут к любовницам, чтобы доказать обратное.

Салтыков хмыкнул. Он ценил в Максиме умение мобилизоваться и не раскисать. На бледном лице Курбатова мелькнуло подобие улыбки, но в глазах застыла тоска. Он стоял спиной к остову автомобиля и повернулся лишь однажды, чтобы в последний раз посмотреть на то, что осталось от той, к кому он успел привязаться и был несправедлив в поспешных выводах.

– Я думал, она замешана, – признался Курбатов.

– Я тоже, – ответил Салтыков. – В любом случае её убрали. Возможно, как свидетеля. И консержку, и коротышку, и мальчика...

– Работают наверняка. Чтобы без зацепок. Решительно и без колебаний. Ни свидетелей, ни отпечатков, ничего, что может вывести на след.

– У нас есть труп коротышки. Дактилоскопируем. Флешка. Может быть, в ней ключ. Покопаемся в прошлом Корнеевой. Быть может, в детском доме, откуда Гомельские взяли Мишу, что-нибудь расскажут. Нужно выяснить, над чем работали в лабораториях Гомельского. Оттуда может потянуться ниточка. Работаем, Макс!

Курбатов провёл ладонями по лицу и встряхнул ими. Эта привычка у него осталась с детства. Так делала мать, чтобы снять усталость. Сначала просто из любви к матери он подражал ей. Впоследствии движение вошло в привычку. Он встряхивал руками непроизвольно, когда чувствовал, что нужно снять напряжение и перевести дух.

– Я к Михалычу, за флешкой, – сказал Курбатов. – Завтра в контору к Гомельскому. На связи.

– Будь осторожен. Эти господа настроены серьёзно, – предостерёг Салтыков.

– Я тоже настроен серьёзно, – отозвался Курбатов.

Хлопнула дверь BMW. Через полминуты габаритные огни машины растворились в ночи.

Михаил Михайлович не спал. Не спал и Женёк. Они сидели за кухонным столом друг против друга. Хозяин подливал себе самогон из графинчика в рюмку и заедал финским сервелатом. Женёк щёлкал по клавишам ноутбука. В ноутбуке торчала металлическая флешка и ещё какое-то устройство, от которого тянулся шнур к розетке.

– Примешь – для согрева? – предложил хозяин Курбатову, глазами указывая на графин. Курбатов колебался. Срывать в штопор теперь не время. Он пересилил себя.

– Нет, Михалыч, завтра нужна голова на плечах, а не колода. Как успехи? – Курбатов подставил стул и подсел к парню.

– Потихоньку движется, – отозвался Женёк.

Его относительно большой рост не соответствовал относительно небольшому весу. Из-за худобы, максимально приближенной к дистрофии, юношу не взяли служить в армию. Служить парень не рвался, но приговор врачей удручал. Не годен. Как ни откармливали «ребёнка» бабушка и мать, еда не шла впрок.

– Когда будет готово?

– Трудно сказать. Файлы почти нечитаемы. Какие-то отдельные фрагменты. Сделаю всё, что могу. Я посижу, если дядя Миша не против. Дома народу полно. Негде.

С Женьком в избе проживали, помимо матери и бабушки, две родные тётки, пьющий муж одной из тёток и двоюродная сестра, девица на выданье. Каждый свободный угол в двух комнатах избы был занят либо людьми, либо кошками, которых насчитывалось от четырёх до десяти в зависимости от того, как быстро разбирали котят.

– Иди, приляг, – предложил хозяин Курбатову, – лица на тебе нет. От твоего сидения толку мало.

– Они сожгли женщину и мальчика живыми, – почти прошептал Курбатов.

– Врёшь! – осоловелое от хмеля лицо вмиг обрело осмысленность. – Когда?!

– Только что, у Якшино, на повороте к храму.

Женёк оторвался от компьютера и с сожалением смотрел на Курбатова. В наступившей гнетущей тишине из комнаты слышно было сонное дыхание с посвистом Татьяны. Михаил Михайлович понурил голову.

– Жень, как закончишь, перекачай всё на две флешки, – попросил Курбатов парня.

Место для сна Курбатову отвели в узкой коморке без двери за печью. Скинув пальто, он, не раздеваясь, повалился на топчан, застеленный стёганым одеялом, и провалился в тяжёлый, без сновидений сон.

Проснулся Максим от шуршания в углу. Возлились мыши. Он перевернулся на спину и долго смотрел в темноту в потолок. Наручные часы показали четверть пятого. Ни людских голосов, ни шагов. Все разошлись.

На кухне Курбатов включил свет. Закрытый ноутбук лежал на столе, там, где его оставил Женёк. Парень часто приходил к дяде Мише «поработать». Дома ему не давали сосредоточиться. Михаил Михайлович охотно пускал парня. Какое-то разнообразие долгими зимними вечерами в деревне.

Рядом с ноутбуком лежали две флешки: обработанные копии. Оригинал в металлическом корпусе, откуда Женёк на вокзале успел скачать информацию, отдали бандитам. Максим включил компьютер и воткнул белую флешку в разъём.

На дисплее отразилось белое поле. На нём – около десяти файлов. Максим кликнул мышью на первый. Через несколько секунд с экрана на Курбатова смотрел Павел Гомельский. Он продолжал говорить текст, начало которого, видимо, восстановить не удалось. Из него следовало, что фирма Гомельского в течение двух лет разрабатывала новый экспериментальный агрегат, способный при заданной программе производить лекарства широкого спектра действия. В случае успеха лекарство совершит революцию в медицине. Рак, болезнь Альцгеймера, диабет, грибок, псориаз и многие неизлечимые заболевания будет так же легко победить, как насморк. Себестоимость препаратов, произведённых агрегатом, сделает всю мировую фармакологию бессмысленной. На этом текст прерывался.

Речь на втором файле была обращена непосредственно к Курбатову. Она состояла из нескольких прерывающихся кусков. Если на первой записи лицо Павла излучало оптимизм и уверенность, то теперь с экрана смотрел раздражённый и озлобленный человек.

«... За год Миша не вырос ни на один сантиметр. Это странный ребёнок, если не сказать больше. Макс, я буду говорить начистоту, ты меня поймёшь, как никто другой. Посторонним слишком многое нужно объяснять, пересказывать всю жизнь. С тобой этого не нужно. Ты всегда был рядом. Мы с Викой заподозрили неладное после того, как Миша сломал палец мальчику. Во время игры в шахматы, помнишь?»

Вика казалась очень расстроенной. Но дело не в сломанном пальце и жестокости Миши. Дело в другом, – Гомельский замаялся, но, выдохнув, продолжил: – Вика застала их – я говорю о Екатерине Сергеевне и Мише – в ванной. Няня мыла мальчика, он стоял обнажённый, и она ласкала его. Ты понимаешь, что я имею в виду. Она делала это с ребёнком, и он, в шесть лет, понимал, для чего это. Он просунул ей руку под платье и гладил её грудь. Вика закатила скандал и потребовала, чтобы Екатерина Сергеевна покинула наш дом. Миша устроил истерику

и едва не выпрыгнул из окна второго этажа. Его едва успели поймать. Бедная Вика уступила, не стала придавать дело огласке, боясь потерять Мишу, – материнская любовь ослепляет, – но взяла с няни слово, что такое больше не повторится. Теперь ты понимаешь, почему Вика так неохотно отпускала их на прогулки вдвоём. Мне она опасалась рассказывать, понимая, что я бы это так не оставил...»

Курбатов догадался, что ему не давало покоя. Отстранённый от действительности и направленный внутрь себя взгляд женщины, которая приветливо слушала его и терпела рядом из безразличия к нему, в то время как её душа пребывала в равновесии и благолепии любящего сердца. Предмет этой любви был скрыт от посторонних глаз. «Отверженному» благородно позволяли существовать рядом в качестве ширмы. Екатерина Сергеевна всегда благоклонно принимала лёгкие ухаживания Курбатова, но никогда не выходила за рамки, ею обозначенные. Максим хорошо знал взгляд женщины, любящей другого. Глаза такой женщины светились благодатью и теплом, но тепло это обогревало воспоминание. Воздыхателям, что находились в эту минуту рядом, доставалась лишь холодная учтивость.

Окажись на месте Максима другой, история любви ребёнка и взрослой женщины показала бы ему вздором. Но разве слепая привязанность мальчика к матери не есть разновидность любви мужчины и женщины? Правда, в жизни Максима был случай, мало походивший на отношения матери и сына.

Он, ученик третьего класса, влюбился в десятиклассницу. Время вымыло из памяти Максима имя девушки. Они прогуливались по парку в Сокольниках. Он, краснея и сбиваясь, выпалил, что любит её, хотя ещё совершенно не понимал глубины значения слова «любовь». Она, в школьной коричневой форме и чёрном переднике, присела на корточки и собирала гербарий из опавших листьев ясеней и клёнов. Максим клюнул её губами в щёку и убежал, красный от стыда и восторга. Но тем дело не кончилось. В следующий раз девушка сделала вид, что ничего между ними прежде не было, но, как только они остались на аллее одни, наклонилась и поцеловала его в губы, как целует старшая сестра. «Я тоже тебя люблю», – сказала она. Потом, спустя десятилетия, Максим понял, что их неосознанная привязанность и была видом любви, которую они ещё не понимали, но которая так манила и увлекала в мир грёз.

Кто понимает человеческое сердце и кому дано видеть и знать всё разнообразие хитросплетений, какие преподносит любовь? Максим грустно вздохнул. Время играет с людьми злую шутку. Ты можешь родиться на сотню лет позже или раньше той единственной, что предназначена тебе, – и никогда с ней не встретишься. А может статься, что она или он опоздали или поспешили родиться на двадцать, тридцать и более лет, но встретились. И что тогда? Имеют ли значение правила морали, когда на кону мгновение счастья в вечности небытия?

Курбатов вспомнил обуглившиеся бугорки в пене внутри сторевшего автомобиля. Он отстранился от страшного наваждения и продолжил слушать и смотреть.

«...Я не видел и не знал того, что делается у меня в доме, – говорил Гомельский, – но я стал подмечать, как ведёт себя Миша с другими женщинами. Именно с женщинами, а не с девочками своего возраста. Они его не интересовали, хотя он их и не чуждался.

В Таиланде, на пляже, неподалёку от отеля, где мы остановились, Миша подружился с девочкой-подростком. Дети быстро сходятся на курортах. Девочка с матерью прилетели из Питера и поселились в том же отеле, что и мы, этажом выше. Однажды утром, когда солнце ещё только набирало силу, Вика, чтобы не попасть в жару, отправилась в магазинчик на побережье посмотреть украшения и безделушки, оставив Мишу на моё попечение. Екатерина Сергеевна отдыхала в шезлонге чуть поодаль на берегу. Я решил искупаться и позвал с собой Мишу. Он помогал строить крепость из песка девочке-подростку. Её мама расположилась в шезлонге рядом, запрокинув голову и раскинув руки. Две немолодые тайки в белых халатах с плетё-

ными сумками брели по берегу и предлагали отдыхающим массаж. В сумках они несли разные аксессуары и масла для массажа. Мать девочки согласилась. Массажистки занялись ею. Миша заявил, что тоже умеет делать массаж. Мать девочки пошутила, что если женщины не справятся, то она позовёт его. Я полез в воду и плавал довольно долго. Настолько долго, что массажистки закончили свою работу и отправились дальше по берегу. Время от времени я посматривал за Мишей. На какое-то время я потерял его из виду. У песочной крепости мальчика не оказалось. Я подплыл ближе и увидел, как Миша трёт ноги и живот матери девочки. Его руки работали быстро и уверенно. Он усердно мyal женские ноги и будто бы невзначай касался пальцами плавков и того, что под ними. Женщина сначала посмеивалась – что взять с несмышлёныша. Она благодарила и предлагала остановиться: «Достаточно, Мишенька, молодец, у тебя и вправду хорошо получается». Но Миша продолжал тискать ноги, пока женщина не встала и едва не оттолкнула его. Вмешалась Екатерина Сергеевна. Она отвела Мишу в сторону. Строго выговаривала ему. Миша стоял спиной. Я не видел его лица. Я нырнул и под водой подплыл ближе. Мне хотелось услышать, о чём они говорят. Из-за группы купальщиков всего разговора я не слышал – те очень громко смеялись и плескались, но несколько фраз различил. «Не теряй контроль над собой... Твоя неосмотрительность выйдет тебе же боком...» – строго говорила няня.

Моё появление смутило Екатерину Сергеевну. Она не рассчитывала обнаружить меня в непосредственной близости. Внутренне я усмехнулся. Мальчишка интересуется женским телом, как все мальчишки мира. Рановато, но что поделаешь – акселерация. И всё же происшествие заронило в сердце тревогу. Как бы развит ребёнок ни был, определённые природой возрастные рубежи перепрыгнуть не под силу даже гениям. В поведении Миши проявлялось недетское начало. И Екатерина Сергеевна. Она говорила с Мишей языком взрослых. Не так, как говорят наставники, а как равная с равным. Как женщина, имеющая определённые права в отношении с взрослым человеком другого пола. После Мишиного «массажа» женщина с девочкой выбрали место для загорания подальше от нас и больше с нами не общались.

С тех пор я украдкой наблюдал за Мишей. Он предпочитал женское общество, если у нас появлялись гости. Женщины были ласковы с ребёнком, и он отвечал им лаской. Обнимал и гладил, и часто его руки нечаянно попадали в интимные места на мгновение, так, что никто этого не замечал или не придавал значения. Но я видел, какие чёртики загорались в глазах Миши. Как платонически он облизывал тонкие губы и как старательно скрывал охватывающее его волнение. Его сверстники играли в кораблики или раскрашивали цветными карандашами альбомы. Миша только делал вид, что увлечён игрой. Ему было неинтересно, но он тщательно скрывал свои чувства. Как может ребёнок шести лет так умело владеть эмоциями? И для чего ему это, если вокруг него друзья и ему ничто не угрожает? И я пришел к выводу, что он не чувствует себя в безопасности или не считает окружающих своими друзьями. Почему?

Однажды ночью я проснулся от неприятного ощущения, что кто-то смотрит на меня. Я открыл глаза и увидел Мишу. Он стоял в темноте у изголовья кровати. Пижама белым пятном выделяла его из темноты. «Ты что здесь?» – спросил я тогда. Мне стало не по себе. Миша ответил, что ему приснился страшный сон и он не может уснуть. Вика, вопреки заведённому нами правилу укладывать ребёнка в детской, пустила его к себе под одеяло. Миша прижался к ней и вскоре заснул. Чтобы не потревожить его, Вика не двигалась. Его нога лежала на её промежности, а рука – на груди. Он сопел. Вика поправила его ногу и убрала руку. Но через минуту тот пошевелился во сне. Теперь его рука лежала чуть выше её паха. Он причмокивал во сне и дул губки. Я встал выпить воды. Выходя из комнаты, я прикрыл за собой дверь. Через щель закрывающейся двери свет из коридора упал на лицо Миши. Полузакрытыми глазами он наблюдал за мной.

Ты помнишь, Макс, как однажды застал меня за шахматной доской. Я разбирал партию и посчитал, что задачу решала Екатерина Сергеевна. Как позже выяснилось, это была недоиг-

ранная партия няни с Мишей. Что им помешало доиграть её – не знаю. Видел только досаду на лице обоих. Они переглядывались и, казалось, обвиняли друг друга за допущенную оплошность. Им не понравилось, что их маленькая тайна раскрыта. Посуди сам. Ребёнок шести лет играет на уровне кандидата в мастера спорта. При том что неделей раньше я учил Мишу игре в шашки. Он усердно слушал и, как положено новичку, делал ошибки и ежеминутно спрашивал, можно ли так ходить. Ты можешь представить, чтобы человек, имеющий разряд по шахматам, не имел понятия, как играют в шашки?

Не спорю, Моцарт в детстве сочинял музыку и давал концерты. В мире немало удивительных примеров того, как дети сочиняют стихи, рисуют, решают сложные уравнения и прочее. Но они не скрывают своих талантов. Миша же затаился. Он почувствовал мой интерес к его способностям. Но, Макс, способности и приобретённые знания – это разное. С появлением Екатерины Сергеевны у Миши проявилась склонность к языкам. Как они не осторожничали, я однажды подслушал их разговор, стоя за дверью. Да, Макс, любопытство и подсознательный страх неведомого довели меня до низости – я стал подслушивать чужие разговоры. Представь, они бегло говорили на французском языке, перескакивали на немецкий и закончили разговор на английском. Миша не просто имел склонность к изучению иностранных языков. Он говорил на них.

Однажды, когда Миша с няней вышли на прогулку, я заглянул в детскую комнату. Игрушки на полках и в корзине стояли и лежали на своих местах в том же положении, что я запомнил несколько дней назад. Солдатики и техника, то, чем мы в нашем детстве так увлечённо играли, покрылись едва заметным налётом пыли. Шестилетний ребёнок к ним не притрагивался. Я выдвинул ящики стола и увидел листы бумаги, испещрённые математическими формулами. Как-то в разговоре за чаем Екатерина Сергеевна обмолвилась о работах юного Эйнштейна и его теории относительности. Она выказала большую осведомлённость в этом вопросе, а также прошла по работам Теслы и его спорам с Эдисоном относительно постоянного и переменного тока. Также она обмолвилась о Келдыше, чем немало удивила меня. Я тогда подумал, что барышня набивает себе цену – подчитала специальную литературу, чтобы при случае блеснуть эрудицией. Но позже, проанализировав нашу беседу, я вдруг понял, что Екатерина Сергеевна отстаивала свою позицию нехотя и знаниями не козыряла, а мотивировала. Она подыскивала слова для ответов не для того, чтобы высказать мысль, а чтобы упростить свою речь. В конце разговора, как мне показалось, она даже досадовала на себя, что позволила втянуть себя в «умный» разговор.

Разглядывая бумаги, я понимал, что няне, если это её творчество, незачем оставлять их в столе у ребёнка. Следовательно, это не её работы. Я попытался вникнуть в формулы. Представь себе, Макс, примерно то же мы изучали на третьем курсе МФТИ на факультете управления и прикладной математики.

Я снова почувствовал взгляд за спиной и обернулся. Миша стоял в дверях, вцепился в меховую шапку и смотрел исподлобья. Щёки покраснелись. Ноздри раздулись. Волосы всклокочены.

– Некрасиво обыскивать ящики, папа! – почти прошипел Миша. На слове «папа» он сделал ироничный акцент. – Разве тебя этому не учили? У нас в детском доме ты бы получил за это от старших ребят.

– Мы не в детском доме, – ответил я. – Здесь не принято «получать» от старших ребят. Кто это написал?

Я поднял стопку с формулами.

– Это мои работы, – раздался голос Екатерины Сергеевны. Она появилась за спиной Миши. – Иногда я занимаюсь, чтобы освежить мозги.

– Что вы заканчивали? – спросил я.

– Институт искусств.

- Там не преподают высшую математику.
- Я отучилась в МФТИ три года. Ушла, решила, что это не моё.
- Её ответ привёл меня в недоумение.
- Так мы с вами одного поля ягоды. Какой факультет вы посещали?
- Факультет биологической и медицинской физики.
- Вот как?!

Я сделал вид, что поверил, а они – я говорю «они» потому, что вдвоём они смотрели на меня враждебно и как одно целое, – они вдруг перевели всё в шутку. «Если бы Миша обладал такими познаниями в физике и математике, мы бы имели дело с будущим нобелевским лауреатом», – засмеялась Корнеева.

Другой бы на моём месте ликовал от восторга, если бы открылся гений или хотя бы талант в его ребёнке. Но происходящее меня не радовало, а по-настоящему пугало. Миша осознанно скрывал свои возможности, свои знания. Где и когда он успел их получить? Не в детском же доме! Но даже если представить невероятное – что перед тобой гений, – вопрос: зачем гению скрывать свою гениальность? Быть может, скрытность – это результат влияния Екатерины Сергеевны? Взрослый человек, она понимала, как опасны в наши времена проявления гениальности в детях. Охочие до сиюминутных сенсаций репортёры и шоумены на телевидении готовы смастерить из таких детей блестящую обёртку для феерических конфет на потребу обывателям, а потом выбрасывают эту ставшую ненужной обёртку под ноги всё той же публике и даже не интересуются о её дальнейшей судьбе. Ранняя слава порочна. Пристрастие к популярности убивает новаторство и мысль. Талант превращают в товар. Товар может оказаться невостребованным и залежаться, а залежалый товар, как известно, со временем теряет в цене. Быть может, няня взяла на себя роль ангела-хранителя Миши?

С тех пор между мной и Мишей выросла стена. Я присматривал за мальчиком. Он, как мне казалось, – за мной. В отношениях с няней появилась натянутость. Я не мог изображать радушного семьянина, ощущая, как в мою спину, стоит мне отвернуться, смотрят четыре настороженных глаза.

Уволить Корнееву я не мог. Кто знает, во что превратилась бы наша с Викой жизнь с её уходом. Точнее, во что превратил бы её Миша. Формально увольнять её было не за что. Я мог это сделать, ничего не объясняя. Но мне хотелось разобраться. Здесь крылась какая-то загадка или несуразная путаница...»

В этом месте монолог прерывался. Следующее появление Гомельского на экране монитора выглядело ещё более удручающим. Озлобленное лицо выглядело усталым, щетина на щеках, тёмные круги под глазами.

«...Человек, которого я нанял, аккуратно навёл справки и выяснил, что под фамилией Корнеева никто в МФТИ на факультете биологической и медицинской физики не учился. Мой человек побывал в Санкт-Петербурге, навестил общеобразовательную школу, где якобы с пятого по седьмой класс училась Корнеева. Всё подтвердилось. Девочка посещала школу именно в этот период. Но на фотографии её никто не узнал!

Помнишь, Макс, Екатерина Сергеевна обмолвилась об учительнице, которая учила их говорить слово «есть» вместо «кушать» и обучалась в Смольном. По паспорту Екатерине Сергеевне сорок пять лет. Так вот, я подсчитал, что этой учительнице должно было быть хорошо за восемьдесят от роду в те дни, когда она наставляла Корнееву. Далекое не все доживают до таких преклонных лет, а уж преподавать в таком возрасте в школе – я о подобных случаях не слышал!

В питерском институте культуры мой человек показал фотографию Корнеевой проректору по учебной части. Проректор узнал её. Он сообщил, что у них училась такая девушка. Она окончила вуз в 1991 году.

Далее. Нанятый мной детектив снова обратился в МФТИ и показал фотоснимок Корнеевой. Там подтвердили, что в их вузе девушка училась, но звали её Керсанова Елена Станиславовна. После третьего курса девушка – обрати внимание: девушка! – ушла, не объясняя причины ухода. На тот период «девушке» должно было быть за сорок лет! Кто же тогда Керсанова Елена Станиславовна и кто на самом деле Корнеева Екатерина Сергеевна?

Собранные детективом копии документов и справки я складывал в папку и убирал в сейф. О существовании тайника кроме меня знала Вика, ты, и случайно, по моей неосторожности, узнала Екатерина Сергеевна...»

Речь Гомельского снова прервалась и продолжилась со слов:

«...Я обнаружил, что кто-то пытался взломать мою электронную почту. Камеры видеонаблюдения не отразили присутствия посторонних в квартире. Только человек осведомлённый мог стереть записи. Но записи никто не стирал. Картинка оставалась без изменений и без помарок. В моё отсутствие в комнату никто не входил. К компьютеру никто не притрагивался. Попыток проникнуть в компьютер дистанционно не зафиксировано».

Следующий отрывок начинался с сообщения об исчезновении детектива:

«Сначала он не отвечал на звонки. Затем телефон сообщал, что абонент находится вне зоны доступа сети. Через несколько дней я понял, что человек исчез.

Нервы мои на пределе. Ночами не сплю. Вздрагиваю при каждом шорохе. Боюсь есть и пить – вдруг отравлено. Я намерен обратиться в полицию. Заявить о пропаже детектива.

Вчера разговаривал с Корнеевой. Рассказал о результатах расследования и потребовал объяснений. Она в свойственной ей манере выслушала молча. Внешне оставалась спокойной. Сказала, что не готова ответить на мои более чем странные измышления. Я вспылил. Меня же ещё называют лжецом! Указал барышне на дверь. Уж слишком много непонятого, запутанного. Она отнеслась к известию сдержанно. Сказала, что подготовит мальчика. Я посчитал, это разумно. Миша должен свыкнуться с мыслью о расставании с любимой няней...»

На этом видеосюжет заканчивался.

Максим откинулся на спинку стула. Он с сожалением смотрел на монитор. Что осталось за кадром? О чём рассказывают похищенные бумаги? Кто и почему убил Корнееву и Мишу? Если предположить, что Корнеева и Керсанова одно лицо, то уровень её образования весьма высок. Физика, биология, химия, к ним прибавить знание математики и иностранных языков. Прямо Джеймс Бонд в юбке.

В памяти Курбатова всплыл случай. Павел с семьёй отдыхал в Сочи. Оттуда Гомельские заехали в Геленджик к их общим с Максимом друзьям. Дом друзей располагался за городом, в ущелье, в посёлке с названием «Тонкая щель». Стоял он в ста метрах от пересыхающего в летний зной ручейка, который в сезон дождей разливался и превращался в полноводную реку, яростную и беспощадную, способную стремительными потоками срывать с места и уносить автомобили, припаркованные близ домов.

В тот раз Курбатов прилетел на недельку. Время проводили весело. Вечером выбирались в город на променады. Бродили по набережной, кочевали по ресторанчикам, забавлялись на аттракционах. Одним из развлечений стал тир. Стреляли из пневматических винтовок и пистолета. Выбивший с трёх выстрелов три десятка получал приз – плюшевого медведя. Больше двадцати пяти у Павла из пистолета выбить не получалось, как он ни старался. Курбатов в подпитии не мог сосредоточиться и цеплял одну или две девятки. Они вошли в азарт. Гомельский не хотел уходить без приза. Он считал, что обязан выиграть его для Миши, не замечая, что мальчик не проявляет особого интереса к игрушке. Вике надоело наблюдать за безуспешными попытками супруга. Она предлагала перенести соревнования с мишенью на завтра. Но Павел стоял на своём и продолжал мазать. Его упрямство порядком всем поднадоело. Екатерина Сергеевна попросила пистолет. Гомельский усмехнулся, но выполнил её просьбу.

Почти не целясь, она три раза плавно подняла руку и нажала на спуск, и три раза железная стрелка с зелёной кисточкой вонзилась в центр чёрного круга. Под аплодисменты и восхищённые возгласы зрителей игрушечного медведя передали Мише...

Курбатов задумался о Мише. Он знал и видел, что за внешней обыкновенностью ребёнка скрывалось нечто особенное. Взгляд. Да, это был взгляд. Доброе, чистое личико, с лучезарной улыбкой и на его фоне – серые, большие глаза, всегда наблюдающие. Они не пугали и не вызывали неудобства. Они смотрели куда-то внутрь и за спину. Максиму всегда хотелось обернуться и разглядеть, что там у него за спиной видит Миша.

Мог ли Павел ошибиться в мальчике? Мог. Неприятности на работе. Гомельский говорил, что большие средства вложены в новый проект. Но их недостаточно для завершения исследований. Нужна отдача, иначе не рассчитаться с кредиторами, а её нет. Неудачи надламывают. Ответственность, нервы. Всё вместе могло привести к фобиям. Мнительность. Поиск внешнего источника неудач. Если взять за основу уровень знаний Корнеевой, то формулы и прочее – дело её рук. Сунула в стол ребёнку по рассеянности...

Максим старался убедить себя в том, о чём думал. Но червь сомнения подтачивал его изнутри. Павел не слыл паникёром. Он чувствовал опасность, нависшую над его семьёй. Значит, всё-таки основания были ненадуманными. Хотя бы потому, что Гомельские мертвы.

Курбатов потёр веки и снова наклонился к ноутбуку. В новых файлах были отсканированы статьи и документы. В основном цифры, вычисления. «С этим следует обратиться к специалисту», – решил Курбатов.

Ещё в файлах имелись копии документов с выкладками на расходный материал. Порошки, концентраты, химические реактивы, непонятные Курбатову иероглифы языка науки. В этом ему тоже понадобится помощь знающих людей.

В следующих файлах он обнаружил статьи, вырезки из зарубежных журналов на английском и русском языках. Также он увидел карту Японии на русском языке. Некоторые места на карте обвели красным маркером.

Максим стал читать статьи. В первом материале рассказывалось об опытах группы учёных Ивана Петровича Павлова над детьми-беспризорниками в советской России в тридцатые годы двадцатого столетия. опыты ставились над детьми от шести до пятнадцати лет в детской клинике 1 ЛМИ, в Филатовской больнице, в больнице имени Раухфуса, в отделе экспериментальной педиатрии ИЭМа и в детских домах. Эксперименты отличались жестокостью и были очень болезненными. В качестве наркоза применялись морфий, серноокислый газ и алкоголь. Проток слюнной железы выводился наружу, как в случае с собаками. Дети сбегали, чекисты их отлавливали, и опыты продолжались. Шрамы на изуродованных лицах оставались на всю жизнь. Сотрудники группы Павлова приравнивали опыты над детьми к опытам над рыбами, птицами и низшими обезьянами.

Первый российский нобелевский лауреат и его команда стремились разгадать тайну работы мозга человека. Учёные пришли к выводу, что уникальных различий между мозгом человека и мозгом животных не существует. В материале указывались имена павловской группы, пять человек. Женщина и четверо мужчин. Курбатов запомнил их на всякий случай.

Соратник Павлова профессор Красногорский описывал, каким образом они крепили воронку к фистуле на лице у одиннадцатилетней девочки для сбора слюны – как у животного. Курбатов поразило цинизм учёных и жестокие методы работы. Ещё несколько статей содержали описание проводимых опытов.

В следующем файле рассказывалось о русском и советском учёном Иванове Илье Ивановиче. Учёный занимался межвидовой гибридизацией животных. Описывались результаты его работы в заповеднике «Аскания-Нова» в 1910 году. Учёный вывел гибриды зубра и коровы, зебры и осла, мыши и крысы и замахнулся на создание нового вида – гибрида человека

и обезьяны. Приводились его письма наркому народного просвещения Луначарскому с просьбой поддержать и разрешить эксперименты с животными и людьми. Советское правительство выделило валюту академии наук. В 1926 году Иванов начал работу в ботанических садах Конакри. Для экспериментов отлавливали шимпанзе и искусственно осеменяли их человеческим сперматозоидом. Опыт провалился. Обезьяны не забеременели, а одна умерла.

Около тридцати приматов перевезли из Африки на станцию в Сухуми. Для научного эксперимента подготовили пять женщин-добровольцев, но единственная на станции обезьяна мужского рода, орангутанг, неожиданно умерла. Другую обезьяну-самца привезли лишь несколько месяцев спустя. К тому времени Иванов попал в опалу. Чистка рядов. Его сослали в ссылку в Алма-Ату, где он вскоре скончался от инсульта.

Курбатов отметил про себя, что почти все принимавшие участие в Сухумском эксперименте умерли или погибли.

Ещё один файл привлёк внимание Курбатова. Это было два письма на английском языке, отбитые на печатной машинке. Подписаны тексты синими чернилами профессором Тинэном университета Рюкю, г. Нишихара, Окинава, Япония. Одно письмо датировано октябрём 1963 года. Другое письмо – мартом 1964-го. Знание английского языка не было сильной стороной Курбатова. Из написанного он разобрал, что это ответы на письма, отправленные ранее из Москвы. Адресат в Москве – некто Захар. Ни фамилия, ни отчество не упоминались. Форма обращения профессора Тинэна к своему визави указывала на дружеские отношения между ними. Писем из Москвы Максим не обнаружил. Либо плохо искал, либо их вообще не было в файле, либо они не сохранились. В любом случае вопрос остался открытым: кто этот Захар? Быть может, прозвище или вымышленное имя. В первом письме говорилось, что прислать требуемые образцы растений и минералов пока не представляется возможным. Во втором письме Тинэн сообщал о своём скором приезде в Советский Союз. Ни слова об упомянутых выше растениях и минералах.

Курбатов, рождённый в Стране Советов, помнил из рассказов родителей и из средств массовой информации и успел частично испытать на себе методы управления коммунистами в России и в братских союзных республиках. Советские люди, отправляя личную корреспонденцию «за бугор» родственникам и знакомым, тщательно «следили за речью». Жалобы и критика оставались «за кадром». Наверняка Тинэн знал об этом и вполне вероятно, во втором письме умышленно не упомянул о растении и минерале, который его просили переслать. Скорее всего, он собирался привезти или привёз их лично и передал при встрече.

Ещё один файл, доступный для чтения, содержал список детских домов, сиротских приютов и домов временного содержания детей в Москве, Подмосковье, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Некоторые из них подчёркнуты.

Курбатов знал из рассказов Гомельского, что после принятого решения усыновить ребёнка им с Викой в органах опеки рекомендовали детские дома, куда они могли бы обратиться. Быть может, список имеет отношение к вопросу усыновления? Тогда Гомельские подошли к поиску ребёнка с размахом. В списке значилось не меньше сотни адресов. Чтобы объехать и обойти их все, потребовалось бы не меньше года, а то и больше. Однако Павел и Вика нашли мальчика быстро, по рекомендации. Он им сразу понравился, и они ему. Тогда к чему такой длинный список? И вообще, к чему он здесь – среди научных статей, вырезок, писем? И по чьей рекомендации Гомельские выбрали ребёнка?

Занимался рассвет. За окном серели штакетники забора, наполовину утопленные в снежном сугробе. Вдали брехали цепные собаки. Алабай бегал во дворе по расчищенной тропинке, останавливался у калитки и поднимал морду в сторону лая, но голоса не подавал.

Курбатов не стал дожидаться, когда хозяева проснутся. Бесценное время уйдёт на распросы и чаепитие. «Михаил Михайлович поймёт», – размышлял Максим, выезжая на засне-

женную дорогу. Бесконечная зима, казалось, не закончится никогда. Выкручивая руль, Курбатов думал, что всё, о чём рассказывалось на флешке, возможно, уже прочитали те, кому он передал оригинал. Информация разрозненная, и увязать её в целое будет непросто.

«Учись, сынок, говорил же папа, учись, а то дураком погрёшь. Не слушал папу, вот теперь, как слепой кутёнок, не знаешь, к чему применить полученную информацию», – злился на себя Максим. Статьи на английском придётся показать бывшей жене. Впутывать её в историю, где уже выросла гора трупов, небезопасно для неё. Но врать себе не имело смысла. Дело было не в переводе, а в желании лишний раз повидаться. Не всё отгорело. Не думать о Марине Максим не мог. Дети очень хотят, чтобы родители помирились. Курбатов тоже не прочь попробовать всё сначала. Но Марина замужем...

Опыты Павлова, разработки Иванова, письма из Японии, формулы, расчёты. Курбатов снова подумал о тех, кто гонялся за флешкой. Они знают столько, сколько знает он, а может быть, и больше. Преступники хотели скрыть информацию от посторонних или получить недостающие сведения? То, о чём узнал он из флешки, ему ни о чём не говорило. Если преступники хотели получить информацию и пришли за ней к Гомельскому, то убивать его – всё равно что резать курицу, несущую золотые яйца. Если убийства совершены, чтобы замести следы, то, как понимал Курбатов, его не оставят в покое. Они не знают, что именно рассказал ему Гомельский. Чем гадать, лучше избавиться от лишней головной боли. Теперь кто первый до кого доберётся.

В кармане сработал мобильный телефон. Звонил Салтыков.

– Макс, подъезжай к десяти в морг на опознание Гомельских, – сказал он.

– Шутишь?

– Родственников не нашли. Ты остался единственный, кто их близко знал. Там всё семейство...

– У Павла есть сестра в Ярославле и...

– Мы сделали запрос. По месту прописки никого из родственников найти не удалось. Сестра пропала без вести. Ушла из дому и не вернулась. Дядя, брат отца Павла, спился. Найден в Смоленске два дня назад мёртвым в квартире. Предположительно сердечная недостаточность. Перепил...

Курбатов неожиданно осознал горькую правоту Салтыкова. Он единственный из близких Павлу людей. Так было всегда, только он, Максим, не придавал этому значения. Дни нанизывались на годы. Десятки знакомых лиц мелькали перед глазами, и казалось, так будет всегда. Постепенно вокруг редело, но серьёзно задумываться казалось рано. Не время. Успеется. Павел смотрел на их дружбу иначе. Максим с болью понял, как, в сущности, одинок был его друг. Он не отпускал Максима от себя, считая своим прошлым и настоящим. Неотъемлемой частью своей жизни. Как-то Павел сказал: «Дети не видят нас в своём будущем. Вырастая, они готовятся строить свою жизнь без нас. Потому старики не нужны и так одиноки».

– По поводу коротышки, – продолжил Салтыков. – Его дактилоскопировали. Личность установлена. Проходит по базе. Сурков Илья Иванович. Кличка Сурок. Тридцать девять лет. Не женат. Детей нет. Ни родных, ни близких. Сирота из детдома. Был осуждён на три года за угон автомобиля. Похож на человека, снятого камерой наблюдения у дома Гомельских на Тверской в день убийства.

Курбатов вспомнил паб на Долгоруковской. Тогда, глядя в зеркало себе за спину, он отметил про себя, что мужчина за столиком, наверное, невысок ростом. Мыски его ботинок едва доставали пола. Также Максим припомнил, что и женщина показалась ему маленькой. Он не был уверен насчёт длины её ног, но макушка её головы находилась примерно на уровне макушки её собеседника.

– Юра, подошли человекка в паб Lambic на Долгоруковской. Пусть посмотрит записи с камер внутреннего видеонаблюдения в день убийства. Время примерно за полдень. Возможно, тип, что сидел за столиком неподалёку от выхода, и есть Сурков. Заодно пусть посмотрит на барышню рядом с ним. Быть может, сообщница, что крутилась на Тверской.

Патологоанатом в резиновых перчатках и в синем халате попеременно поднял простыни на железных столах. Вика лежала с биркой на большом пальце левой ноги. Курбатов впервые видел её полностью обнажённой. Раньше купальники или пеньюары скрывали её наготу. На секунду Максиму стало стыдно за неё, что так вот запросто три мужика разглядывают её холодное, белое тело с чёрными подбритыми кустиками между ног. На животе от солнечного сплетения до левой части паха зияла огромная рваная рана. Синюшные соски казались неестественно острыми. Черты лица стали резче, глаза ввалились в почерневшие глазницы. Губы посинели и были плотно сомкнуты, будто женщина из последних сил старалась не проронить ни слова до последней секунды жизни. В растрёпанных волосах её головы застряла запёкшаяся чёрная кровь. На корнях волос виднелась проступившая седина. Вика тщательно маскировала первые признаки неминуемого старения организма коричневой краской. На её шее ниже и правее затылка виднелся след от укола. Врач в халате приподнял плечи покойницы и слегка повернул – так, чтобы укол был виден отчётливее. Всё тело Вики покрывали кровоподтёки и ссадины, как и тело её мужа.

Голова Павла была пришита к туловищу кетгутом аккуратными стежками. В отличие от жены его лицо представляло окровавленное месиво. Из приоткрытого рта торчали осколки зубов. Опухшие синие губы, разорванные во многих местах многочисленными ударами, остались открытыми в предсмертном крике. Смолянистые кучерявые волосы, склеенные запёкшейся кровью, торчали клоками. Правый глаз был приоткрыт и закатился под верхнее веко.

Лицо Курбатова побледнело, он с трудом справился с дурнотой. В девяностые покойников в морг привозили пачками с бандитских разборок. Со всеми частями тела и без них. Максим насмотрелся. Думал, привык. Стоя над телами Гомельских, он осознал, что привыкнуть к смерти невозможно. Мысленно попытаться отстраниться можно, но надолго тебя не хватит. Он знал себя. Теперь виденное им здесь будет преследовать его долго и везде.

Салтыков деловито осматривал трупы и задавал вопросы врачу. Врач, мужчина пятидесяти с небольшим лет, отвечал так, словно читал лекцию по анатомии студентам-первокурсникам. В руке он держал планшет, иногда для надёжности заглядывал в него.

– Гомельская Виктория Геннадьевна. Смерть наступила в результате многочисленных ударов тупым предметом в область головы и туловища. Имеются внутренние кровотечения. В крови обнаружены следы нейротоксина. Под его воздействием жертва потеряла способность сопротивляться. То же касается потерпевшего, Гомельского Павла Анатольевича. Потерпевшему сделали инъекцию нейротоксина, обездвижили и пытали. Умер в результате побоев. Вивисекцию головы произвели уже после смерти. Видимо, чтобы наверняка.

– Или в порыве ярости, – предположил Салтыков.

– Чем он их так разозлил? – спросил Курбатов.

– Поймаем – спросим, – ответил Салтыков.

Курбатов осмотрел ладони и внешние стороны обеих рук Павла.

– Мальчик утверждал, что Павел дрался с одним из преступников. Даже бил его. Но заметь, следы порезов или ссадин на костяшках и пальцах отсутствуют, – заметил Максим. – Либо мальчик что-то напутал, либо говорил неправду.

Слова с трудом давались Курбатову. Говорить в прошедшем времени о тех, кого знал и к кому был привязан, оказалось нелегко.

– Юрий Алексеевич, если у вас всё, то я займусь делами, – врач полуобернулся и указал на три стола в зале и торчащие из-под простыней ноги с бирками на пальцах. – Официальное заключение вы получите позже...

Салтыков и Курбатов продолжили разговор на улице у припаркованного близ здания морга «Рено». Впервые за две недели из-за гнетуще-серых облаков выползло солнце. Воздух посвежел и, казалось, запах весной. Воробьи бойко чирикали над головами в узловатых ветвях старого тополя. Максим вкратце рассказал о том, что нашёл на флешке. Салтыков внимательно слушал, слегка наклонив голову.

– Дай её мне, пусть наши спецы с ней поработают, – попросил Салтыков.

Курбатов передал ему приготовленный Женьком дубликат.

– Смотри аккуратнее, – предупредил Максим.

– Боишься утечки?

– Боюсь за жизнь того, кто узнает, что там.

Салтыков вопросительно и с иронией приподнял бровь.

– Напрасно ухмыляешься, – предостерёг подполковника Курбатов. – Если они замечают следы и валят людей, как снопы, думаю, тому, кто прикоснётся к их тайне, не поздоровится.

– Так серьёзно?

– Шесть трупов для начала, по-твоему, не серьёзно?

– Более чем, – согласился Салтыков.

– Вряд ли они успокоятся. Похоже, Гомельский вольно или невольно влез во что-то очень важное для убийц. Пока я не могу объяснить связь между разработками учёных физиологов в тридцатых годах, физическими и математическими формулами, японцами с Окинавы и смертью Корнеевой и Миши, но думаю, что ключ к разгадке лежит в лабораториях Гомельского. Если за нами наблюдают и мои расчёты верны, то в ближайшее время и мне, и тебе, и всем, кого ты задействуешь в этом деле, нужно быть предельно осторожными.

Курбатов оглянулся и посмотрел окрест на близлежащие постройки и припаркованные автомобили.

– Поживём – увидим, – ответил Салтыков. Он спрятал флешку во внутренний карман куртки. – Насчёт Сурка любопытная информация. Его криминальный послужной список невелик, но имеются занимательные факты. Тяга к нетрудовым доходам проявилась ещё в подростковый период, в детском доме. Были приводы в милицию. Один из финтов при угоне авто выглядел так. Представь: стоит не очень дорогая, но и не самая дешёвая тачка на перекрёстке у светофора. Дорогу переходит «малыш» и чертит гвоздиком по капоту. Разъярённый водитель в бешенстве выскакивает из машины, чтобы схватить вредителя. Вредитель убегает от водителя, но с такой скоростью, чтобы тому казалось, будто он вот-вот схватит беглеца. Но поймать беглеца водитель всё-таки никак не может. Подросток прибавляет ходу и скрывается в подворотне. Водитель возвращается к автомобилю, а того и след простыл. Ключи он оставил в замке зажигания. За углом подельники «вредителя», «старшие товарищи», поджидали, пока незадачливый автомобилист отбежит от машины на достаточное расстояние, чтобы сесть в авто и уехать. Выбирали исключительно тех, у кого в салоне не было пассажиров. Сурок подходил на роль убегающего зайца отменно. Ростом невелик, но быстрый и сильный. Говорят, изобретал способы угона главарь. Когда шайку накрыли, главаря никто не выдал. Боялись лютой расправы.

Салтыков помолчал, затем сообщил:

– Из Чехова переслали анализы крови Корнеевой и Миши. Группа крови совпадает с данными, взятыми в поликлинике по месту их прописки. От тел женщины и ребёнка практически ничего не осталось. Но мы должны быть уверены, что это они.

– Снова опознание? – внутри Курбатова всё похолодело.

– Скорее попытка опознать, – кивнул Салтыков. – Я понимаю, каково тебе, Макс, но... Ни у Корнеевой, ни у Миши не оказалось родственников. Во всяком случае, их место пребывания нам неизвестно...

– Обрати внимание... – начал Курбатов.

Но Салтыков его перебил и продолжил:

– Все покойники практически не имеют ни родных, ни близких.

– За исключением Павла Гомельского и Вики...

– Родственники которых по тем или иным причинам тоже умерли.

– Завещание. Кому Гомельский завещал после себя движимое и недвижимое имущество, – сказал Курбатов.

– Нужно выяснить, кто его поверенный?

– Я знаю, – отозвался Курбатов. – Нас познакомил лет десять тому назад Павел. Кудрявкин Владимир Михайлович. Я пользовался его услугами.

– Тоже оформлял завещание?!

– Нет, оформлял наследство, после смерти родителей.

– Свяжись с ним. Это ускорит и упростит процедуру.

Курбатов кивнул. Оба понимали, что близость Максима с семьёй Гомельских и знание их уклада жизни может очень помочь раскрытию преступления. Независимое положение Курбатова также шло на пользу их общему делу. На Максима не давило начальство, не требовало «динамики показателей». Он не дожидался санкций или указаний «сверху». В свою очередь, Салтыков имел грамотного спеца, на которого мог положиться и который мог действовать вне протокола.

– Мне нужно ещё раз осмотреть квартиру Гомельских и Корнеевой, – сказал Курбатов. – Наведаюсь в Сивцев Вражек, в офис Гомельского. Завтра заеду в Чехов.

– Я предупрежу местных участковых, чтобы оказали содействие, – ответил Салтыков. – В Чехов поедem вместе.

– Лучше предупреди, чтобы не мешали.

Салтыков понимающе кивнул.

– Держи меня в курсе, – сказал он.

– На связи.

В квартиру Гомельских на Тверской Курбатов вошёл в сопровождении участкового в форме капитана полиции. Получив соответствующие инструкции, капитан не лез с разговорами, молча сопровождал Максима по комнатам. Кровь на полу и стенах отмыли, но местами в пазах паркета и в углах зала под плинтусами попадались едва приметные бурые пятна. Курбатов прошёл в детскую и сел за письменный стол, больше напоминавший школьную парту. Против стола стояла зелёная доска из стекла, обработанная наждачной бумагой. Число и месяц так и остались нестертыми. 18 февраля.

Курбатов открыл ящик стола и осмотрел его содержимое. Тетрадки с прописями, детскими рисунками зверей и человечков. Угадывалась рука ребёнка. Голова кошки напоминала что-то среднее между львом и собакой, только в полоску. Возможно, даже подразумевался тигр. Мордочка белки обладала человеческими чертами: брови, нос и губы бантиком, а хвост значительно превышал размеры зверька и выглядел как огромный столб, к которому белка прислонилась спиной. Туловище собаки имело сходство с лошадьёю. На мысль о собаке наводило наличие ошейника и отсутствие гривы и копыт.

Максим не мог представить, чтобы автор рисунков, так неуверенно владеющий карандашом, мог записывать сложные математические формулы. Представить Корнееву в роли физика-теоретика у него тоже не получалось. В монологе Гомельского не было сказано, куда делись записи с формулами. Курбатов осмотрелся, встал и обошёл комнату. В огромной кор-

зине с детскими игрушками посторонних предметов не наблюдалось: машины, конструкторы и всякая всячина. Курбатов перебрал книжки на полках. В основном это была детская литература на русском, английском и французском языках. Здесь были всевозможные книги познавательного содержания, рассказывающие о планетах солнечной системы, о крупнейших городах мира, альбомы с пейзажами и картинами Эрмитажа, Дрезденской галереи и Лувра. Никаких учебников по тригонометрии или высшей математике. Максим обратил внимание на отсутствие книг по шахматам. Если учесть пристрастие ребёнка к игре, это казалось странным. У постороннего человека, окажись он в этой комнате, не оставалось бы сомнений, что здесь обитает ребёнок подготовительной группы детского сада. Создавалось впечатление, что кто-то умышленно создал необходимый антураж в детской.

– Кто убирал в квартире? – обратился Курбатов к участковому.

– Домработница. С моего разрешения. Вроде бы все процедуры, предусмотренные законом, проведены. Я подумал, не оставлять же квартиру в таком виде... Что-нибудь не так?

– Всё так, – успокоил участкового Курбатов. – Кто-нибудь ещё кроме меня обращался к вам с просьбой открыть квартиру?

– Нет.

– У вас нет телефона домработницы Гомельских?

– Есть, я вам его дам, но она сейчас работает этажом ниже у соседей. Если нужно, я могу её пригласить.

Курбатов кивнул. Участковый исчез за дверью. Пока он ходил, Максим продолжил осматривать детскую. Он ощупывал каждый предмет. Внимательно осматривал каждый сантиметр на полу, у стола, под столом, у корзины с игрушками, у доски... Вот! У ножки стула, почти под ней, едва приметная, лежала чешуйка. Курбатов вынул пинцет и лупу из кожаного чехла, который носил с собой во внутреннем кармане пиджака. Посмотрел в лупу. Так и есть. Кусок ногтя. Гомельские никак не могли отучить Мишу грызть ногти. Захваченный каким-нибудь делом или мыслью, Миша непроизвольно совал пальцы в рот, откусывал ноготь и тихо сплёвывал его, приводя взрослых в смятение. Дурную привычку удалось искоренить, но иногда, в минуты особого умственного труда, Миша брался за старое. Курбатов аккуратно уложил находку в целлофановый пакетик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.